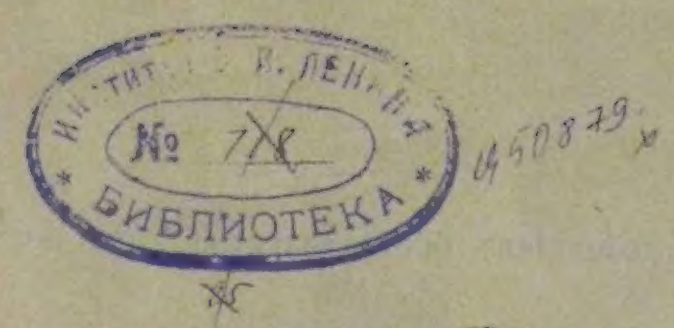
ЦТ

Россия Сенат

* Обвинительный акт по делу С.М. Гинсбург (и др.) 29 сентября 1890 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: 1) мѣщанка г. Керчи Софія Михайлова **Гинсбургъ**, 25 лѣтъ, 2) мѣщанинъ г. Александровска Михаилъ Васильевъ **Стояновскій**, 20 лѣтъ, 3) купеческій сынъ Лейба Вульфовъ **Фрейфельдъ**, 25 лѣтъ, 4) поручикъ кронштадтской крѣпостной артиллеріи Петръ Григорьевъ **Душевскій**, 24 лѣтъ, и 5) оберъ-фейерверкеръ севастопольской крѣпостной артиллеріи Алексѣй Венедиктовъ **Орочко**, 24 лѣтъ.

Приговорами Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, состоявшимися въ промежутокъ времени съ 1880 по 1888 гг., установлено существованіе тайнаго преступнаго сообщества, именующаго себя „партіей народной воли", стремящагося, путемъ насильственнаго переворота, къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и общественнаго строя и избравшаго цареубійство главнымъ средствомъ для достиженія означенной цѣли.

Преступная дѣятельность вышеупомянутаго сообщества, помимо цѣлаго ряда самыхъ тяжкихъ преступленій, выразилась въ неоднократныхъ посягательствахъ на жизнь въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, завершившихся злодѣяніемъ 1 марта 1881 г. и въ покушеніи на жизнь нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, обнаруженномъ 1-го марта 1887 г.

Участники сего послѣдняго злоумышленія были открыты и понесли заслуженное ими наказаніе, за исключеніемъ четырехъ лицъ, а именно: мѣщанина Исаака Дембо, дворянина Антона Гнатовскаго, сына чиновника Николая Рудевича и сына казака Ореста Говорухина, успѣвшихъ скрыться до обнаруженія ихъ прикосновенности къ злодѣянію. Поселившись въ Швейцаріи, означенныя лица образовали кружокъ подъ названіемъ „кружокъ народовольцевъ въ Цюрихѣ" и продолжали свою преступную дѣятельность.—22 февраля 1889 г. Исаакъ Дембо былъ смертельно раненъ въ окрестностяхъ Цюриха во время опытовъ, производившихся надъ приготовленными имъ разрывными метательными снарядами, а за нѣсколько дней до этого, 14 февраля, было обнаружено въ Петербургѣ преступное воззваніе, содержаніе котораго свидѣтельствовало о существованіи злоумышленія противъ Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Оба эти событія, въ виду установленной между ними связи, послужили основаніемъ для производства особаго о нихъ дознанія.

Раскрытыя дознаніемъ обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

I.

14 февраля 1889 года, въ лавкѣ письменныхъ принадлежностей отставнаго подполковника Петра Татаринова, находящейся въ домѣ № 36 по 5 линіи Васильевскаго острова, неизвѣстною молодою женщиною, повидимому, курсисткой, было забыто портмоне, въ которомъ найдено: 1 руб. 40 коп. денегъ, двѣ зашифрованныя записки, которыя разобрать оказалось невозможнымъ, и писанная чрезвычайно мелкимъ почеркомъ, на клочкѣ бумаги, рукопись, заключающая въ себѣ воззваніе возмутительнаго содержанія, предназначенное къ распространенію послѣ совершенія цареубійства. О вышеизложенномъ подполковникъ Татариновъ немедленно заявилъ подлежащимъ властямъ.

Т. I л. 7. По осмотру упомянутаго выше воззванія оказалось, что оно написано на листкѣ почтовой бумаги, длиною въ 2½ вершка и шириною въ 1¼ вершка, и заполняетъ обѣ стороны листка. Эта рукопись, представляющая, по содержанію своему, воззваніе къ обществу и никѣмъ не подписанная, начинается слѣдующими словами: „Устранивъ“ (далѣе въ рукописи оставленъ пробѣлъ), „мы считаемъ нравственнымъ долгомъ объяснить русскому обществу значеніе совершившагося. Для тѣхъ, кто вмѣстѣ“ (далѣе въ рукописи оставленъ пробѣлъ) „считали чудеснымъ спасеніемъ его при крушеніи поѣзда 17 октября 1888 г., объяснять значеніе его смерти не нужно: воля провидѣнія, сохранившая его тогда, теперь избрала насъ орудіемъ его наказанія за массу причиненнаго имъ зла. Мы должны оправдать наше рѣшеніе предъ тѣми, которые не видятъ пользы въ насиліи и рекомендуютъ мирныя средства работы на пользу народа . . . .“ Далѣе въ этомъ воззваніи приводятся доказательства невозможности такой мирной работы въ Россіи и высказывается твердое рѣшеніе „неуклонно устранять Царя . . . . . и систематически уничтожать всякаго представителя царской власти до тѣхъ поръ, пока не явится возможность работать для народа . . . . свободнымъ словомъ въ печати и свободною рѣчью во всероссійскомъ земскомъ собраніи . . . . .“ „И такъ, отказъ отъ неограниченной власти или смерть“, говорится въ этомъ воззваніи, оканчивающемся изложеніемъ условій, при которыхъ „представители царской власти будутъ въ безопасности“ и сводящихся къ „ограниченію самодержавія“, къ „расширенію образованія народа и увеличенію производительности страны“.

Т. I л. 18, 26, 20, 27. Показаніями Петра Татаринова и дочери его Маріи было установлено, что портмоне съ преступнымъ воззваніемъ было оставлено въ магазинѣ въ то время, когда тамъ находилась одна Марія Татаринова; что женщина, оставившая портмоне, являлась въ теченіи послѣдующихъ трехъ дней въ магазинъ съ требованіемъ возвратить забытую вещь, и что означенная женщина проживала въ домѣ № 40 по 5 линіи Васильевскаго острова.

Т. I л. 13, 43, 46 и 50. Рядомъ допросовъ квартирныхъ хозяевъ, жильцевъ и прислуги въ домахъ подъ №№ 40 и 36 по 5 линіи Васильевскаго острова, установлено

а) что въ меблированныхъ комнатахъ Гедвиги Ивановой, въ домѣ № 40, жила швейцарская подданная Вильгельмина Браунъ, скрывшаяся изъ этой квартиры 17 февраля; *б*) что Вильгельмину Браунъ посѣщалъ проживавшій въ домѣ № 36 студентъ университета Михаилъ Стояновскій, у котораго въ свою очередь бывала и Браунъ, и *в*) что послѣ того, какъ Браунъ скрылась, къ Стояновскому приходила проживавшая также въ комнатахъ Ивановой слушательница высшихъ женскихъ курсовъ Евгенія Григорьева, раньше его не посѣщавшая. Описанныя свидѣтелями примѣты Вильгельмины Браунъ, въ особенности же цвѣтъ и качество матеріи на ея пальто, подходили къ данному Маріей Татариновой описанію женщины, оставившей портмоне съ преступнымъ воззваніемъ.

Евгенія Григорьева признала, что она, по порученію Браунъ, была у Стояновскаго и объяснила, что 17 февраля, около 12 часовъ ночи, Браунъ, съ которою она раньше знакома не была, вошла къ ней въ комнату и просила «выпустить ее изъ квартиры, заперевъ за нею дверь,“ такъ какъ ей необходимо немедленно уѣхать. Браунъ при этомъ просила ее зайти по данному ею адресу къ знакомому ея Стояновскому и сказать ему, что она уѣхала. Она исполнила просьбу Браунъ, зашла черезъ день къ Стояновскому, но послѣ того больше съ ними не встрѣчалась. О причинѣ, вынудившей Браунъ къ поспѣшному и, какъ ей казалось, таинственному выѣзду изъ Петербурга, Браунъ ей не сообщила; однако волненіе, которое Браунъ передъ нею не въ состояніи была скрыть, навело ее на мысль, что эта причина кроется въ какомъ либо политическомъ дѣлѣ. Т. I л. 13, 91; прил. I, л. 85, и Т. III л. 418.

Произведенною затѣмъ экспертизою было обнаружено сходство почерка студента Михаила Стояновскаго съ почеркомъ, которымъ написано преступное воззваніе. Т. I л. 61—63.

Вслѣдствіе этого у студента Михаила Стояновскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому найдены, между прочимъ: а) чемоданъ изъ крашеной рубчатой парусины коричневаго цвѣта; б) гектографированная брошюра гр. Л. Толстаго „Церковь и государство“; в) писанный каталогъ книгъ, озаглавленный: „Каталогъ книгъ библіотеки нижнихъ чиновъ 2-го баталіона.....“ Окончаніе заглавія этого каталога, видимо, состоявшее изъ трехъ словъ, зачеркнуто, но по остаткамъ зачеркнутыхъ словъ можно было предположить, что слова эти составляли слѣдующее: „Кронштадтской крѣпостной артиллеріи“. Каталогъ подписанъ: „Завѣдующій чайною столовою 2-го баталіона подпоручикъ....“, но самая подпись съ фамиліею оказалась вырѣзанною. Въ этотъ каталогъ включено 196 названій книгъ, между которыми запрещенныхъ къ обращенію не встрѣчается, и г) квитанція С.-Петербургскаго почтамта за № 3503 на отправленное 23 марта 1889 г. денежное письмо съ 8 рублями въ г. Харьковъ на имя Семена Стояновскаго. Т. I л. 74—79.

Въ квартирѣ швейцарской подданной Вильгельмины Браунъ оказались слѣдующія оставленныя ею вещи: чемоданъ изъ крашеной рубчатой парусины коричневаго цвѣта, подобный найденному въ квартирѣ Михаила Стояновскаго, съ наклееннымъ на немъ бумажнымъ печатнымъ ярлыкомъ: Т. I л. 73, 75, 104, 107.

„отъ Москвы до Петербурга № 4851“; и разныя вещи съ ярлыками магазиновъ въ Парижѣ и въ Женевѣ.

Т. I л. 82, 125, 148; Т. V л. 214. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Михаилъ Стояновскій, не признавая себя виновнымъ въ составленіи преступнаго воззванія, но не отрицая того, что оно писано имъ, объяснилъ, что съ Вильгельминой Браунъ онъ познакомился случайно, въ театрѣ, осенью 1888 года и впослѣдствіи вступилъ съ нею въ любовную связь. Бывая очень часто у Браунъ, онъ встрѣчалъ у нея только двухъ лицъ: одного штатскаго пожилаго мужчину и офицера, которымъ Браунъ, по ея словамъ, давала уроки иностранныхъ языковъ. Однажды, въ концѣ января или въ началѣ февраля 1889 г., Браунъ, замѣтивъ, что у него хорошій мелкій почеркъ, спросила его, сохранитъ ли онъ въ тайнѣ то, что она попроситъ его переписать, и, заручившись его обѣщаніемъ, вынула изъ кармана исписанный карандашемъ большой листъ бумаги и продиктовала ему изъ этой рукописи воззваніе, начинающееся словами: „устранивъ (—), мы считаемъ“ и оканчивающееся словами: „награбленныхъ у народа“. Первыя слова воззванія она продиктовала: „устранивъ Царя;“ но когда онъ отказался написать это послѣднее слово, то Браунъ предложила ему замѣнить это слово чертою. Такою же чертою было замѣнено имъ въ другомъ мѣстѣ воззванія слово: „съ Государемъ“, или же другое подобное слово, которое онъ не помнитъ, послѣ словъ: „для тѣхъ, кто вмѣстѣ съ .....“ Съ первыхъ же словъ онъ понялъ, что Браунъ диктуетъ ему воззваніе преступнаго содержанія и сталъ упорно отказываться писать, но Браунъ, упрекнувъ его въ неисполненіи даннаго обѣщанія, просила писать дальше, объясняя, что воззваніе интересуетъ ее, такъ какъ она желаетъ показать его дома въ Швейцаріи, и что она получила или списала его у своихъ знакомыхъ, которыхъ однако отказалась назвать. Онъ исполнилъ просьбу Браунъ, но затѣмъ, въ теченіи почти двухъ недѣль, упрашивалъ ее уничтожить воззваніе, или возвратить таковое ему, такъ какъ оно приводило его въ ужасъ, но Браунъ не согласилась исполнить его просьбы и увѣрила его, что объ этомъ никто не узнаетъ. На масляной недѣлѣ того же года къ нему пришла какая то незнакомая дѣвушка и передала отъ имени Браунъ, чтобы онъ пересталъ ее посѣщать. Въ предъявленной ему Евгеніи Григорьевой онъ затруднился признать эту дѣвушку, такъ какъ онъ къ ней хорошо не присмотрѣлся. Съ тѣхъ поръ отношенія его съ Браунъ прекратились. Относительно найденныхъ у него и въ квартирѣ Браунъ вещей и бумагъ Михаилъ Стояновскій объяснилъ, что чемоданъ Браунъ получила отъ него, а каталогъ библіотеки нижнихъ чиновъ взятъ имъ въ городѣ Александровскѣ въ домѣ отца, содержащаго земскую почту, гдѣ каталогъ былъ вѣроятно оставленъ кѣмъ либо изъ проѣзжающихъ.

Т. I л. 151, 247, 288, 289. По осмотру истребованнаго отъ С.-Петербургскаго почтъ-директора письма съ 8 руб. на имя студента Семена Стояновскаго въ Харьковъ, квитанція на которое найдена при обыскѣ у обвиняемаго Михаила Стояновскаго, оказалось, что въ письмѣ этомъ отъ 23 марта 1889 г. Михаилъ Стояновскій сообщаетъ, что его призывалъ къ себѣ участковый приставъ

для распроса по поводу исчезновенія Вильгельмины Браунъ, намекаетъ, что съ послѣднею онъ состоялъ въ любовной связи, но прервалъ съ нею всякія отношенія и выражаетъ сожалѣніе, что сошелся съ неизвѣстной женщиной, изъ за которой теперь терпитъ безпокойство и непріятности.

При дальнѣйшемъ дознаніи, осмотромъ домовыхъ книгъ и показаніями квартирныхъ хозяевъ, обнаружено, что Вильгельмина Браунъ была прописана подъ этимъ именемъ впервые 28 ноября 1888 г. въ меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 1 по Пушкинской улицѣ, гдѣ она прожила только одни сутки; затѣмъ она жила до 31 декабря въ домѣ № 35 по 2 линіи Васильевскаго острова и съ этого времени до 17 февраля въ домѣ № 40 по 5 линіи. Т. III л. 157, 178, 181, 182. Т. I л. 65—88.

Изъ дѣла видно, что Вильгельмина Браунъ предъявила въ Петербургѣ къ пропискѣ національный паспортъ за № 876, визированный въ Россійской миссіи въ Бернѣ 1-го октября 1888 г. за № 565 и явленный въ канцеляріи С.-Петербургскаго Градоначальника 3 декабря за № 2152. Т. I л. 92, 158. Т. II л. 362.

По собраннымъ въ Швейцаріи свѣдѣніямъ о личности Браунъ оказалось, что Вильгельмина Браунъ, 19 лѣтъ, уроженка села Бубендорфъ округа Листаль, кантона Базель. $\frac{\text{29 сентября}}{\text{11 октября}}$ 1888 г. полученъ ею отъ Листальской полиціи паспортъ за № 876 срокомъ на 2 года, визированный въ нашей миссіи въ Бернѣ $^{1}/_{13}$ октября; съ декабря 1884 г. по октябрь 1888 г. она жила въ Бернѣ, а въ началѣ октября по новому стилю прибыла въ Листаль для полученія паспорта. Въ это же время она посѣтила въ м. Сиссахъ свою мать, но о полученіи паспорта и о намѣреніи ѣхать въ Россію матери своей ничего не говорила.

28 марта 1889 года мѣщанка Гедвига Иванова представила къ дѣлу полученное ею изъ заграницы письмо съ почтовою Швейцарскою маркою и штемпелями: заграничнымъ „Ambulant" 5 апрѣля 1889 г. и Петербургскимъ 28 марта 1889 г. Въ конвертѣ были вложены два письма за подписью Вильгельмины Браунъ: одно, помѣченное 15-го марта 1889 г., на имя Людвиги (Гедвиги) Андреевны (Ивановой), съ извиненіями по поводу внезапнаго оставленія Браунъ ея квартиры и просьбою другое письмо передать молодому человѣку, который бывалъ у нея. Оказавшееся въ особомъ конвертѣ, безъ адреса другое письмо начинается обращеніемъ къ дорогому другу и заключаетъ въ себѣ разсказъ Вильгельмины Браунъ о томъ, что она была кѣмъ то похищена и увезена изъ Петербурга на границу, гдѣ ей вручили деньги и билетъ для проѣзда до швейцарской границы и подъ страшными угрозами запретили возвращаться въ Россію. Т. I л. 131.

Все вышеизложенное не оставляло сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ Вильгельмины Браунъ проживала въ Петербургѣ другая личность, воспользовавшаяся паспортомъ Браунъ. Дальнѣйшій розыскъ вызвалъ предположеніе, что подъ этимъ именемъ скрывалась керченская мѣщанка Софія Гинсбургъ, которая въ 1886 году подлежала допросу по дѣлу о революціонныхъ военныхъ кружкахъ, но не была допрошена, такъ какъ выѣхала въ томъ же году изъ Петербурга и, по слухамъ, отправилась заграницу. Т. I л. 138.

Т. I л. 143—145 293—347. Такое предположеніе подтвердилось установленнымъ экспертизою сходствомъ почерка оставшихся въ квартирѣ Вильгельмины Браунъ рукописныхъ замѣтокъ съ несомнѣннымъ почеркомъ Софіи Гинсбургъ, а также предъявленіемъ найденной въ г. Керчи у родственниковъ Софіи Гинсбургъ фотографической ея карточки. Свидѣтели, которымъ была предъявлена эта карточка, признали въ ней личность, извѣстную имъ подъ именемъ Вильгельмины Браунъ.

Вслѣдствіе сего были приняты мѣры къ обнаруженію какъ мѣста нахожденія Софіи Гинсбургъ, такъ и лицъ, съ которыми она имѣла сношенія во время пребыванія въ Петербургѣ.

Т. I л. 205, 373. Въ апрѣлѣ 1889 г. проживающая въ Петербургѣ вдова чиновника Любовь Суслова представила въ отдѣленіе по охраненію порядка и общественной безопасности въ Петербургѣ два письма и заявила, что эти письма присланы по ея адресу и на ея имя для передачи Михаилу Стояновскому, занимавшемуся одно время съ ея дѣтьми и просившему разрѣшенія пользоваться ея адресомъ для своей переписки. По осмотру писемъ, оказалось, что первое изъ нихъ, отъ 21 марта 1889 г., иносказательнаго содержанія, начинается обращеніемъ къ „милому Мишѣ“ и подписано именемъ „Нина“. Въ этомъ письмѣ обращаетъ на себя вниманіе одно лишь выраженіе, въ которомъ авторъ письма проситъ Михаила Стояновскаго пойти къ ея пріятелю, котораго она не называетъ, и сказать ему слѣдующую фразу: „три березы предъ домомъ извѣстной моей тезки“. Эта фраза, прибавляетъ авторъ, напомнитъ ему обѣщаніе его возвратить ей шесть ея писемъ, которыя она проситъ Стояновскаго отослать „брату Левы Якову“. Второе письмо, отъ 26 марта, обращено къ „дорогому Мишѣ“ и подписано „М. Лен....“ Это письмо, также иносказательнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, просьбу не заваздывать сообщеніемъ новостей, такъ какъ газеты теряютъ всю прелесть новизны. По сношенію съ С.-Петербургскимъ почтамтомъ было, по почтовымъ штемпелямъ, установлено, что эти письма были опущены въ ящикъ почтоваго вагона, идущаго въ поѣздѣ изъ г. Севастополя на ст. Лозовую, Екатеринославской губерніи, но на какой именно станціи, выяснить оказалось невозможнымъ.

Т. I л. 327. Обвиняемый Михаилъ Стояновскій, по предъявленіи ему писемъ, признавая, что они предназначались ему, отказался объяснить ихъ содержаніе и указать, кѣмъ и откуда они писаны.

Т. I л. 113, 379, 393. Одновременно съ симъ были получены свѣдѣнія о сношеніяхъ Софіи Гинсбургъ съ поручиками Иваномъ Чижевскимъ и Петромъ Душевскимъ.

Т. I л. 117, 122, 123, 134, 437, 438. Изъ показаній спрошенныхъ поэтому поводу свидѣтелей выяснилось, что поручикъ Чижевскій 17 января былъ въ квартирѣ Софіи Гинсбургъ въ домѣ № 40, по 5 линіи Васильевскаго острова, и что Софія Гинсбургъ нѣсколько разъ приходила въ квартиру поручика Душевскаго по Саперному переулку, въ д. № 20.

Такъ какъ поручикъ Душевскій не только не далъ удовлетворительнаго объясненія по поводу знакомства своего съ Софіей Гинсбургъ, но даже отрицалъ это знакомство, то у него былъ произведенъ обыскъ, а затѣмъ онъ былъ привлеченъ къ этому дѣлу въ качествѣ обвиняемаго.

При обыскѣ въ квартирѣ поручика Петра Душевскаго найдены разныя бумаги, изъ которыхъ обратили на себя вниманіе слѣдующія: а) нѣсколько отрывковъ изъ писемъ за подписью „В. Т“ и „Вѣра Тюрина“, безъ обозначенія года ихъ написанія. Въ постскриптумѣ одного изъ этихъ писемъ, за подписью Вѣры Тюриной, значится: „Что Васъ вызывали на конфиденціальную бесѣду по поводу знакомства съ В. Т., мнѣ не кажется удивительнымъ, потому что жандармы въ послѣднее время самымъ неукоснительнымъ образомъ слѣдятъ за мною. Ну, и Богъ съ ними, пусть развиваютъ свои способности;“ б) клочекъ бумаги, на которомъ написана фамилія поручика Ястребова и далѣе помѣщена слѣдующая рукопись: „что важно не то, какой человѣкъ принадлежитъ партіи, а важно то, есть ли у человѣка умъ, благородное сердце, любовь къ Россіи. Умныхъ и честныхъ людей во всѣхъ партіяхъ не много. И каждое патріотическое сердце должно жалѣть, что люди, проникнутые искреннимъ желаніемъ принести пользу Россіи, только тратятъ силы на взаимное уничтоженіе“; в) письмо на полулистѣ писчей бумаги, нижняя часть котораго отрѣзана. Письмо начинается словами: „Милый мой другъ, мы такъ давно не видались, что я полагаю, что Вамъ будетъ не безинтересно знать, къ чему я пришелъ и въ чемъ теперь непоколебимо увѣренъ“. Подпись автора письма тщательно зачеркнута и только можно было разобрать имя его „Николай“. Въ письмѣ авторъ его, между прочимъ, пишетъ: „я люблю свободу и не люблю деспотизмъ, не люблю наслѣдственнаго правленія, не люблю земельной собственности, не люблю церковь...... Слѣдуя принципу прямоты и откровенности, мнѣ нужно было бы теперь отказаться отъ присяги ИМПЕРАТОРУ; я и думалъ нѣсколько разъ объ этомъ. Но кажется, что это не имѣетъ смысла. ИМПЕРАТОРУ я рѣшительно неопасенъ и не интересенъ, а между тѣмъ я знаю, что могу пригодиться нѣсколькимъ хорошимъ людямъ и быть имъ полезенъ, если не улетучусь, и вообще мнѣ не совѣтуютъ это дѣлать“. . . .

На первыхъ допросахъ поручикъ Петръ Душевскій не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ противо-правительственному сообществу и составленіи преступнаго воззванія, послужившаго поводомъ къ возбужденію настоящаго дѣла, ни въ какихъ бы то нибыло преступныхъ отношеніяхъ съ обвиняемою Софіею Гинсбургъ и показалъ, что онъ ее совершенно не знаетъ.

При этомъ Душевскій объяснилъ, что Чижевскій жилъ съ нимъ на квартирѣ въ Саперномъ переулкѣ съ сентября 1888 г. по 10 февраля, когда, женившись, переѣхалъ на квартиру къ своей женѣ. Изъ числа взятыхъ у него при обыскѣ бумагъ всѣ письма, какъ за подписью

Т. I л. 441, Т. II л. 256.

Вѣры Тюриной, такъ и другія принадлежатъ не ему, а бывшему его товарищу по артиллерійскому училищу и по службѣ въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, поручику Сергѣю Ястребову, умершему лѣтомъ 1887 г. въ морскомъ военномъ госпиталѣ, и остались у него послѣ распредѣленія прочихъ вещей покойнаго, такъ какъ онъ хотѣлъ отослать ихъ въ г. Казань къ роднымъ Ястребова.

Т. I л. 467; Т. II л. 20, 179, 256.

На послѣдующихъ засимъ допросахъ Петръ Душевскій, признавая знакомство свое съ обвиняемою Софіею Гинсбургъ, объяснилъ слѣдующее: онъ познакомился съ нею въ Петербургѣ въ началѣ 1884 г. и сталъ посѣщать ее, но, обладая характеромъ малообщительнымъ, чувствовалъ себя съ нею неловко, такъ что вскорѣ прекратилъ эти посѣщенія; въ октябрѣ 1884 г. онъ встрѣтился съ нею на улицѣ и былъ у нея нѣсколько разъ. Однажды у нихъ зашелъ разговоръ о значеніи брачныхъ отношеній въ жизни человѣка, перешедшій затѣмъ въ столь рѣзкій споръ, что онъ, неокончивъ разговора, ушелъ. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ Гинсбургъ изъ вида и не встрѣчался съ нею до конца 1888 г. Въ началѣ 1885 г., живя въ Кронштадтѣ, онъ познакомился съ семействомъ своей жены, вскорѣ былъ съ нею помолвленъ и съ тѣхъ поръ ѣздилъ въ Петербургъ рѣдко. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1886 г. онъ былъ отправленъ въ продолжительную командировку въ г. Одессу, а потомъ въ г. Севастополь. Не имѣя требуемаго отъ офицеровъ имущественнаго ценза для вступленія въ бракъ, онъ не могъ тогда же обвѣнчаться съ своей невѣстой и, желая отклонить отъ себя эту командировку, просилъ объ этомъ командира Кронштадтской крѣпостной артиллеріи генералъ-маіора Матіаса, который ему въ томъ отказалъ, объяснивъ, что получилъ свѣдѣнія о знакомствѣ его, Душевскаго, съ неблагонадежными въ политическомъ отношеніи лицами и что эта командировка дастъ ему возможность своимъ поведеніемъ снять съ себя это подозрѣніе. Въ апрѣлѣ 1886 г. онъ уѣхалъ на службу въ Одессу, куда вскорѣ пріѣхала и его невѣста, вмѣстѣ съ которою онъ переѣхалъ потомъ въ Севастополь; въ іюлѣ 1887 года онъ возвратился въ Кронштадтъ. Въ теченіи всего этого времени онъ изыскивалъ средства пріобрѣсти имущественный цензъ для вступленія въ бракъ, но всѣ принимаемыя имъ къ тому мѣры успѣха не имѣли. Эти неудачи такъ разстроили его и въ особенности его невѣсту, что онъ рѣшилъ какимъ бы то ни было способомъ достигнуть возможности обвѣнчаться и составилъ въ маѣ мѣсяцѣ 1888 г. подложное свидѣтельство о разрѣшеніи на бракъ отъ имени генералъ-маіора Матіаса, по которому и былъ обвѣнчанъ 10-го іюня того же года.

Въ сентябрѣ 1888 г., переѣхавъ вмѣстѣ съ Чижевскимъ въ Петербургъ, онъ поселился вмѣстѣ съ нимъ на квартирѣ въ Саперномъ переулкѣ. Вскорѣ жена его заболѣла умственнымъ разстройствомъ. Еще раньше этого, а именно въ ноябрѣ 1888 г., явилась къ нему однажды какая то дама, которая, назвавъ себя Софіей Михайловной, напомнила ему знакомство ихъ и описанный выше споръ его съ нею и разсказала затѣмъ,

что она была заграницей и пріѣхала въ Петербургъ искать мѣсто. По словамъ Софіи Гинсбургъ, она зашла въ домъ № 20 по Саперному переулку съ цѣлью найти квартиру одной своей знакомой и просматривая квартирную книгу, встрѣтила его фамилію, вслѣдствіе чего и зашла къ нему, желая возобновить прежнее знакомство. Во время разговора раздался звонокъ у входной двери и Софія Гинсбургъ поспѣшила обратиться къ нему съ просьбою не называть ее по имени въ присутствіи другихъ. Звонившій былъ поручикъ Чижевскій, которому онъ сказалъ о Софіи Гинсбургъ, что это одна его знакомая и, затѣмъ, извинившись, оставилъ ихъ на время вдвоемъ, возвратясь же онъ засталъ ихъ разговаривающими другъ съ другомъ. Софія Гинсбургъ разсказала, что она пріѣхала въ Петербургъ дня два тому назадъ и жила у своей знакомой, а вещи свои оставила на вокзалѣ до пріисканія подходящей квартиры. Онъ, Душевскій, шутя предложилъ ей снять комнату въ его квартирѣ, объяснивъ ей, что онъ женатъ и что жена его больна; Гинсбургъ отказалась, но просила пріютить ее на одинъ или на два дня, пока она найдетъ квартиру. Когда поручикъ Чижевскій вышелъ изъ комнаты, Софія Гинсбургъ сказала Душевскому, что она вышла замужъ вопреки желанію своей матери и, проживъ съ мужемъ около года, разошлась съ нимъ и что мужъ грозитъ преслѣдовать ее при помощи полиціи; по этому она просила не оглашать ея пріѣзда. Послѣ этого она оставалась у нихъ два дня. Недѣли двѣ спустя Софія Гинсбургъ зашла къ нимъ, распрашивала о болѣзни его жены и предложила для развлеченія отпустить больную къ ней. Черезъ нѣсколько дней онъ поѣхалъ въ Кронштадтъ и по возвращеніи оттуда узналъ отъ поручика Чижевскаго, что Софія Гинсбургъ брала къ себѣ его жену. Въ концѣ января 1889 г. Софія Гинсбургъ была у него въ послѣдній разъ и затѣмъ онъ больше ее не видѣлъ и гдѣ она находится не знаетъ. Кромѣ изложеннаго выше, Софія Гинсбургъ въ разговорѣ съ нимъ передавала, что заграницей она избѣгала встрѣчи съ русскими потому, что живущіе тамъ наши соотечественники въ большинствѣ люди пустые, но что она познакомилась и сблизилась тамъ съ нѣсколькими дѣйствительно замѣчательными людьми. Фамилій ихъ она не назвала, прибавивъ, что нѣкоторые изъ нихъ должны весною пріѣхать въ Россію и что одного изъ заграничныхъ знакомыхъ она даже розыскиваетъ въ Петербургѣ, хотя ничего опредѣленнаго о пребываніи его здѣсь еще не узнала. Затѣмъ она разсказывала о русскомъ эмигрантѣ Лавровѣ, о томъ, что онъ издалъ свое сочиненіе: „Исторія мысли"; сообщила, что у нея на улицѣ вытащили изъ кармана 40 руб., и что это послужило ей предостереженіемъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней она имѣла при себѣ много денегъ—тысячу рублей, присланныхъ ей какими то знакомыми для помѣщенія въ банкъ.—Обвиняемаго Михаила Стояновскаго онъ, Душевскій, не знаетъ и никогда его не видалъ. Найденный у послѣдняго по обыску каталогъ, онъ признаетъ за принадлежавшій библіотекѣ нижнихъ чиновъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи; этою библіотекой онъ завѣдывалъ въ 1886 году, но, какимъ образомъ этотъ каталогъ могъ перейти въ посторонія руки, онъ не знаетъ.

Т. I л. 248, 252, 261.

Принадлежность [illegible] впослѣдствіи установлено показаніемъ поручика Чижевскаго и свѣдѣніями, полученными изъ управленія Кронштадтской крѣпостной артиллеріи.

Производство суд. слѣдователя, л. 28, 29 об., 44, 46.

Т. I л. 210.

Сознаніе Душевскаго въ составленіи подложнаго свидѣтельства на вступленіе въ бракъ вполнѣ подтвердилось произведеннымъ слѣдствіемъ.

Иванъ Чижевскій на допросахъ, производившихся до у[illegible] выясненія обстоятельствъ дѣла, показалъ сперва, что онъ зналъ Софію Гинсбургъ подъ именемъ Маріи Николаевны Лаптевой или Лаптевой и познакомился съ нею въ январѣ 1887 года, случайно встрѣтивъ въ магазинѣ на Невскомъ проспектѣ. — Затѣмъ, признавая, что онъ зналъ обвиняемую Софію Гинсбургъ подъ дѣйствительнымъ ея именемъ, поручикъ Чижевскій объяснилъ, что въ 1886 году, по распоряженію начальства, онъ былъ командированъ въ Петербургъ для изученія электротехники при орудійномъ заводѣ. Здѣсь онъ сошелся со студентомъ С.-Петербургскаго университета Лукою Гаевскимъ, который давалъ ему для чтенія сочиненія Маркса, Лассаля и политическую экономію Иванюкова. По этимъ сочиненіямъ онъ ознакомился съ общими основаніями соціализма и это чтеніе побудило его искать возможности осуществить идеи соціализма въ русской жизни. Въ августѣ 1886 г. Лука Гаевскій познакомилъ его съ подпоручикомъ Дмитріемъ Бруевичемъ, который далъ ему для прочтенія статью подъ заглавіемъ „Письмо офицера", въ которой указывалось на положеніе офицера при усмиреніи безпорядковъ и бунтовъ. Осенью 1886 г. онъ былъ приглашенъ въ квартиру нѣкоей Надежды Слѣпцовой, гдѣ встрѣтилъ Гаевскаго и познакомился съ Слѣпцовою и Софіею Гинсбургъ. Послѣдняя пріѣхала тогда изъ заграницы и подняла вопросъ о значеніи литературы въ революціонной дѣятельности и о необходимости создать заграницей органъ для революціонной пропаганды. Впослѣдствіи Софія Гинсбургъ говорила съ нимъ о значеніи, какое имѣетъ для революціонной дѣятельности пропаганда среди военныхъ. Передъ Рождествомъ онъ былъ у Дмитрія Бруевича, который сказалъ ему, что среди нихъ произошло разногласіе: одни стояли за пропаганду исключительно среди военныхъ, а другіе—за пропаганду широкую и въ народѣ, и въ войскѣ. Уѣхавъ въ то время изъ Петербурга, онъ, по разнымъ причинамъ, чисто личнаго свойства, перестал интересоваться этими вопросами и не занимался ни изученіемъ соціальныхъ наукъ, ни пропагандой. Осенью 1887 г., по возвращеніи поручика Душевскаго въ Кронштадтъ, они однажды разговорились по поводу разбиравшагося незадолго передъ тѣмъ политическаго процесса, къ которому были привлечены юнкера и офицеры. Припоминая лицъ, вращавшихся раньше въ этой сферѣ, онъ упомянулъ имя Софіи Гинсбургъ, причемъ Душевскій замѣтилъ, что онъ также знакомъ съ нею. Въ началѣ декабря 1888 г., когда онъ, находясь уже въ артиллерійской академіи, жилъ вмѣстѣ съ Душевскимъ по Саперному переулку, однажды, по возвращеніи его домой, Душевскій сказалъ ему, что Софія Гинсбургъ въ Петербургѣ и сидитъ теперь у него. При этомъ Душевскій предупредилъ его, что она скрываетъ свое имя и что ее нужно называть Маріею Николаевной. Когда

онъ пришелъ въ комнаты Душевскаго, гдѣ Софія Гинсбургъ сидѣла съ его женою, то Душевскій представилъ его Софіи Гинсбургъ, какъ бы не знакомаго, назвавъ ее Маріей Николаевной. Черезъ нѣсколько дней, когда Душевскій уѣхалъ въ Кронштадтъ, Софія Гинсбургъ брала къ себѣ на квартиру больную жену Душевскаго, которая у нея и переночевала. Съ тѣхъ поръ Софія Гинсбургъ была у нихъ нѣсколько разъ. Въ свою очередь и онъ, Чижевскій, посѣщалъ Софію Гинсбургъ на квартирахъ ея по 2 и по 5 линіямъ Васильевскаго острова, гдѣ встрѣчалъ у нея студента Михаила Стояновскаго. При свиданіяхъ съ Софіей Гинсбургъ разговоръ у нихъ чаще всего касался интересовавшаго его народнаго образованія. Софія Гинсбургъ просила его достать ей списокъ книгъ для чтенія народу, вслѣдствіе чего онъ далъ ей каталогъ библіотеки нижнихъ чиновъ 2 баталіона Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, который онъ признаетъ въ предъявленномъ ему при допросѣ экземплярѣ каталога, взятаго по обыску у обвиняемаго Михаила Стояновскаго. Софія Гинсбургъ разсказывала ему также объ отступничествѣ эмигранта Тихомірова, оставившаго революціонную дѣятельность, и предлагала ему брошюру Лаврова о Тихоміровѣ, которой онъ не взялъ, удовольствовавшись однимъ разсказомъ Софіи Гинсбургъ. Однажды она предложила ему номеръ революціоннаго журнала „Вѣстникъ Народной Воли", но онъ не взялъ и этого журнала, опасаясь держать его у себя. За все время знакомства съ Софіей Гинсбургъ онъ не сдѣлалъ для нея ничего противозаконнаго, не видѣлъ никакихъ ея знакомыхъ, не исполнялъ никакихъ порученій и не поддерживалъ разговоровъ о революціонной дѣятельности; зналъ только, что она жила въ Петербургѣ подъ именемъ Вильгельмины Браунъ. О дѣйствительной цѣли пріѣзда Софіи Гинсбургъ въ Петербургъ ему ничего неизвѣстно. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ Софіею Гинсбургъ въ день своей свадьбы, 10 февраля 1889 г., когда она зашла къ нему поздравить его. Дней черезъ пять послѣ этого она передала ему черезъ Михаила Стояновскаго, чтобы онъ не приходилъ къ ней, такъ какъ за нею слѣдитъ полиція. На вопросъ о причинѣ этого, Михаилъ Стояновскій объяснилъ ему, что Софія Гинсбургъ забыла въ магазинѣ кошелекъ, въ которомъ находилась какая то предосудительная прокламація. Содержаніе этой прокламаціи Стояновскій ему не передавалъ и говорилъ, что онъ самъ переписалъ ее. На первой недѣлѣ великаго поста Стояновскій сказалъ ему, что Софія Гинсбургъ уѣхала изъ Петербурга.

По поводу найденной при обыскѣ у поручика Петра Душевскаго переписки поручикъ Иванъ Чижевскій объяснилъ, что по смерти поручика Ястребова, получивъ отъ сестры покойнаго разрѣшеніе распорядиться вещами его по своему усмотрѣнію, онъ разобралъ письма по адресамъ и такъ какъ большинство ихъ принадлежало Тефиной, то онъ предполагалъ отослать ихъ сестрѣ Ястребова въ Казань, гдѣ жила и Тефина. Не успѣвъ исполнить этого намѣренія, онъ оставилъ письма въ квартирѣ Душевскаго и потомъ забылъ о нихъ, а потому не можетъ дать по содержанію ихъ никакихъ объясненій. Т. I л. 212.

Т. I л. 125, 148; т. V, л. 214. По предъявленіи фотографій Душевскаго и Чижевскаго обвиняемому Михаилу Стояновскому, послѣдній [illegible] утверждать, что онъ [illegible] видѣлъ ихъ у Вальдельмана Фрейнъ и [illegible].

Т. I л. 330. По справкѣ въ дѣлахъ жандармскаго управленія оказалось, что производившимся въ 1887 г. при С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи дознаніемъ было обнаружено существованіе въ г. Петербургѣ тайнаго преступнаго сообщества, составленнаго по преимуществу изъ воспитанниковъ военныхъ и морского училищъ и поставившаго своею задачею распространеніе среди военно-учащихся противоправительственныхъ убѣжденій съ цѣлью привлечь войска къ участію въ ниспроверженіи существующаго государственнаго строя въ Россіи. Первые зачатки этого сообщества появились въ концѣ 1884 или въ началѣ 1885 г., въ видѣ періодическихъ собраній воспитанниковъ военныхъ училищъ на частныхъ квартирахъ для чтенія общеобразовательныхъ и по преимуществу соціально-экономическихъ сочиненій. Эти собранія, подъ вліяніемъ лицъ, руководившихъ чтеніемъ и спорами, обратились вскорѣ въ правильно организованные кружки, въ которыхъ чтенія и разсужденія постепенно направлялись къ тому, чтобы вызвать въ слушателяхъ недовольство существующимъ общественнымъ и государственнымъ строемъ и управленіемъ, а затѣмъ перешли въ чтеніе запрещенныхъ изданій и въ разсужденія явно противоправительственнаго характера. Первые кружки образовались въ началѣ 1885 г. подъ руководствомъ привлеченнаго къ этому дознанію бывшаго студента Марка Брагинскаго, дворянки Надежды Слѣпцовой и подпоручика Дмитрія Бруевича и имѣли своею цѣлью развитіе въ участникахъ собраній противоправительственныхъ идей и привлеченіе членовъ ихъ къ революціонной дѣятельности. Одновременно съ этимъ возникла у обвиняемыхъ мысль объ организаціи кружковъ для революціонной пропаганды въ войскахъ и о составленіи программы этой преступной дѣятельности. Основанія предположенной программы обсуждались на собраніяхъ или сходкахъ, причемъ между участниками ихъ возникло разногласіе во взглядахъ на направленіе преступной пропаганды: одни изъ нихъ заявляли о необходимости распространенія революціонныхъ идей не только въ войскѣ, но и въ другихъ сословіяхъ; другіе же, въ томъ числѣ Бруевичъ, Слѣпцова и бывшій студентъ Лука Гаевскій, настаивали на томъ, что слѣдуетъ сосредоточить революціонную пропаганду исключительно среди войска. Дознаніе было разрѣшено въ 1887 г., причемъ обвиняемые Бруевичъ, Брагинскій, Гаевскій и другіе подвергнуты взысканіямъ, по отношенію же къ дворянкѣ Надеждѣ Слѣпцовой это дознаніе не разрѣшено за выѣздомъ ея изъ Россіи.

Спрошенные, въ виду показанія поручика Чижевскаго, упомянутые выше Дмитрій Бруевичъ и Лука Гаевскій показали, что ни Чижевскаго ни Душевскаго они не знаютъ.

Т. I л. 332. По осмотру одного изъ находящихся при дѣлахъ С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія экземпляра, изданнаго въ 1885 г. въ г. Женевѣ, въ такъ называемой вольной русской типографіи, № 1 революціон-

наго журнала „Вѣстникъ народной воли", въ немъ оказалась статья, озаглавленная „Нашимъ порицателямъ" и подписанная „Офицеръ". Статья эта, написанная отъ имени русскаго офицера, наполнена дерзкими отзывами о существующемъ въ Россіи образѣ правленія и государственномъ порядкѣ и доказательствами необходимости для русскихъ офицеровъ присоединиться **къ общей революціонной организаціи въ Россіи.**

II.

При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія были обнаружены обстоятельства, указывавшія на непосредственную связь преступной дѣятельности обвиняемой Софіи Гинсбургъ съ такою же дѣятельностью лицъ, скрывшихся изъ Россіи заграницу отъ преслѣдованія за государственныя преступленія. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 г., въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ появились корреспонденціи, извѣщавшія, что 6 марта новаго стиля въ окрестностяхъ Цюриха, въ Швейцаріи, произошелъ взрывъ бомбы, которымъ убитъ русскій еврей Бринштейнъ и раненъ полякъ Дембскій, производившіе опыты съ изобрѣтенными ими бомбами. Такого же содержанія свѣдѣнія стали поступать и при производствѣ въ С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи дознаній по другимъ дѣламъ. Такъ, между прочимъ, въ частной перепискѣ обвиняемаго въ государственномъ преступленіи купеческаго сына Рафаила Соловейчика было найдено письмо, писанное, по показанію Соловейчика, живущею въ Цюрихѣ упомянутою выше дѣвицею Надеждою Слѣпцовою. Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 6 марта, описывается слѣдующимъ образомъ „происшествіе на Цюрихебергѣ": „6 марта, часовъ въ 5 вечера, Дембскій, весь израненный, добрелъ до доктора поляка и успѣлъ сказать, что Бринштейнъ сильно раненъ и лежитъ на Цюрихебергѣ.... Цѣлая толпа русскихъ побѣжала на гору и послѣ четырехчасовыхъ поисковъ нашли несчастнаго. Онъ былъ въ сознаніи, но страшно изуродованъ. Обѣ ноги и низъ живота представляли массу ранъ. Всѣ части нижнихъ конечностей разбиты въ куски. Его перенесли въ госпиталь.... Сперва толковали о дуэли, но тутъ, въ виду очевидности, говорить о ней нечего было. Вмѣшалась полиція и не позволила допускать къ нему никого. Допустили къ нему только сестру Г., которая..... такъ была убита, что не до разсказовъ было. Вечеромъ Бринштейнъ умеръ, 11 его хоронили."—

Т. IV л. 58, 284.

Т. VI л. 224, 227, 228.

Вслѣдъ засимъ были получены слѣдующія свѣдѣнія, извлеченныя изъ подлиннаго слѣдствія, произведеннаго по распоряженію цюрихскихъ властей: 22 февраля (6 марта н. с.) 1889 г., на одной изъ горъ близъ г. Цюриха, произошелъ взрывъ бомбы, которымъ убитъ бѣжавшій въ 1887 г. заграницу и подлежавшій привлеченію къ дѣлу о преступномъ замыслѣ противъ Священной Особы Государя ИМПЕРАТОРА, обнаруженномъ 1 марта 1887 г., поневѣжскій мѣщанинъ Исаакъ Дембо, проживавшій въ Цюрихѣ подъ именемъ Бринштейна, и тяжело раненъ, также скрывшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ заграницу по политическимъ причинамъ, дворянинъ Варшавской губерніи Александръ Дембскій. По этому поводу начальникомъ полиціи въ Цюрихѣ было произведено слѣдствіе, обнаружившее, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1888 г. Исаакъ

Т. II л. 140.

Дембо заказалъ сперва цюрихскому механику Мейстеру, потомъ на литейномъ заводѣ братьевъ Кохъ и, наконецъ, на заводѣ Бреми, который и выполнилъ его заказъ, мѣдные полые шары въ 2½, 3½ и 5 сантиметровъ въ діаметрѣ съ отверстіями, закрываемыми винтами, устройство которыхъ свидѣтельствуетъ, что они предназначались для изготовленія разрывныхъ снарядовъ, какъ это дѣйствительно подтвердилось послѣдующими обстоятельствами. Всѣхъ шаровъ Дембо заказалъ 45 штукъ, часть ихъ осталась у Мейстера, причемъ слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы Мейстеру и администраціи завода Коха и Бреми было извѣстно о преступномъ назначеніи заказа Дембо. 22 февраля былъ доставленъ въ кантональный госпиталь тяжело раненый Дембскій, а черезъ нѣсколько часовъ былъ принесенъ туда же отысканный на горѣ съ оторванными ногами Дембо, который отъ этихъ поврежденій на другой день умеръ. За нѣсколько часовъ до смерти, Дембо, сохранившій полное сознаніе, объяснилъ слѣдователю, что онъ нигилистъ и что опыты съ разрывными бомбами были предприняты съ цѣлью подготовленія задуманнаго дѣянія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого далъ нѣкоторыя объясненія по этому предмету и Дембскій, заявившій, что онъ присутствовалъ при опытахъ съ бомбами будто бы лишь въ качествѣ эксперта. По словамъ Дембскаго за нѣсколько дней до взрыва бомбы, Дембо сообщилъ ему, что онъ изобрѣлъ взрывчатое вещество, имѣющее ужасающее дѣйствіе. Дембо пригласилъ его присутствовать при опытахъ съ этимъ веществомъ, которымъ предполагалось наполнить металлическіе шары, такъ какъ самъ Дембо по близорукости не могъ наблюдать за послѣдствіями взрыва. Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, какъ выражается Дембскій, съ научной точки зрѣнія, онъ принялъ приглашеніе и въ условленное время, послѣ полудня 6 марта (новаго стиля), вмѣстѣ съ Дембо отправился въ избранную заранѣе послѣднимъ мѣстность. Дойдя до вершины горы, Дембо вынулъ изъ кармана три шара различной величины и жестяную коробку, наполненную снѣгомъ, въ которой находились бутылочки съ жидкостью коричневаго цвѣта. Шары были тутъ же наполнены этою жидкостью, завинчены и затѣмъ начались опыты, состоявшіе въ бросаніи этихъ бомбъ на выступъ скалы и продолжавшіеся отъ двухъ до четырехъ часовъ, причемъ взрыва ни разу не послѣдовало. Утомленный, вслѣдствіе напряженія силъ для бросанія бомбъ и доставленія ихъ обратно на крутомъ обрывѣ ручья, Дембскій просилъ отложить дальнѣйшіе опыты и такъ какъ заряженныя бомбы, въ виду опасности взрыва отъ теплоты, нельзя было нести домой, то, при помощи отвертокъ, было преступлено къ опорожненію шаровъ, что удалось, однако, сдѣлать только съ бомбой наименьшаго діаметра.—Винты двухъ остальныхъ бомбъ были сильно помяты отъ ударовъ и всѣ усилія вынуть ихъ оказались тщетными, вслѣдствіе чего было рѣшено оставить эти бомбы на мѣстѣ и онѣ почти одновременно были брошены въ снѣгъ. За паденіемъ бомбъ послѣдовалъ страшный взрывъ, сопровождаемый огнемъ въ видѣ молніи, нанесшій Дембо и Дембскому тяжкія пораненія. Очнувшись первымъ и видя, что Дембо оторвало ноги, Дембскій съ большимъ трудомъ отправился за помощью и, встрѣтивъ близъ города русскихъ студентовъ, разсказалъ имъ о случившемся.

При осмотрѣ на слѣдующій день мѣста происшествія была найдена жестянка съ бутылочкой, въ которой находилось взрывчатое вещество. Жестянка была принесена въ госпиталь и когда ее показали Дембскому, то онъ заявилъ, что въ ней находится та жидкость, которою наполняли бомбы, и просилъ поставить ее скорѣе въ холодную воду и въ темное мѣсто, такъ какъ въ противномъ случаѣ могъ произойти взрывъ. Хотя это было сейчасъ же исполнено, но чрезъ нѣсколько минутъ пробку бутылки съ силою выбросило къ потолку и одинъ изъ служителей, опасаясь взрыва, выбросилъ весь сосудъ на дворъ. Это обстоятельство лишило экспертизу возможности точно опредѣлить составъ взрывчатаго вещества, хотя по нѣсколькимъ каплямъ жидкости, сохранившейся въ бутылочкѣ, экспертъ пришелъ къ заключенію, что жидкость эта составляла нитроглицеринъ съ примѣсью селитры.

Вслѣдъ за выясненіемъ этихъ обстоятельствъ цюрихскія власти приступили къ производству ряда обысковъ у лицъ, находившихся въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Дембо и Дембскимъ.

Обыски въ помѣщеніяхъ Дембо и Дембскаго не дали результатовъ, такъ какъ на квартирѣ перваго изъ нихъ оставалась его сожительница, гомельская мѣщанка Марія Яковлева Гинсбургъ, успѣвшая частью уничтожить, а частью скрыть переписку и другія вещественныя доказательства. По обыску у Маріи Гинсбургъ также никакихъ бумагъ, кромѣ учебныхъ тетрадей, найдено не было. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Маріи Гинсбургъ въ Лозанну, у нея былъ произведенъ въ этомъ городѣ вторичный обыскъ, причемъ найдено значительное количество писемъ и другихъ документовъ, часть которыхъ непосредственно относится къ настоящему дѣлу. Въ квартиру же Дембскаго, какъ это установлено слѣдствіемъ, явился тотчасъ послѣ происшествія проживающій въ Цюрихѣ варшавскій уроженецъ Исай Кассіушъ и провелъ въ ней одинъ болѣе получаса, очевидно занявшись сокрытіемъ всего компрометирующаго.

При разсмотрѣніи бумагъ, отобранныхъ у мѣщанки Маріи Гинсбургъ обратили на себя особенное вниманіе, между прочимъ, слѣдующія:

А. Листокъ почтовой бумаги, съ замѣтками, писанными карандашемъ почеркомъ Исаака Дембо, подъ заглавіемъ: „Ближайшія задачи“, въ которыхъ, между прочими, сдѣланы слѣдующія записи: „1, Переправа рукописи. 2. Узнать руководство переплетнаго искуства . . . . 8, отослать паспортъ. 9, До востребованія въ В. № 876. Вильгельмина Braun von Bubendorf, паспортъ выданъ изъ Liestal 11. X. 88 на два года. 1, Позаботиться на счетъ переправы, приготовить документы и границу. 2, Обдумать и подготовить способы переправы сосудовъ (могутъ быть и не цѣлые). . . .“

Б. Листокъ бумаги, на которомъ написана рукопись, озаглавленная „Уставъ кружка народовольцевъ въ Цюрихѣ“. Въ этомъ уставѣ изложено, что характеръ и направленіе дѣятельности этого кружка заграницею должны опредѣляться ходомъ революціонной борьбы въ Россіи, причемъ высказывается предположеніе, что основой будущей революціонной организаціи въ Россіи останутся существенныя положенія программы „Исполнительнаго Комитета“ партіи Народной Воли, заключающіяся въ томъ, что: „а) партія беретъ на себя „иниціативу въ борьбѣ съ абсолютизмомъ“, и б)

рѣзко выставляетъ въ своей программѣ соціалистическія требованія". Въ виду ясно поставленной цѣли этого кружка присоединиться къ революціонной организаціи въ Россіи, а равно и въ интересахъ успѣшнаго содѣйствія революціонной дѣятельности въ Россіи, члены кружка высказываютъ необходимость образованія заграничной общины „союза народовольцевъ“, составленнаго изъ мѣстныхъ кружковъ, придерживающихся того же направленія. Считая однако выработку подробной программы заграничной дѣломъ будущаго соглашенія между кружками, кружокъ народовольцевъ въ Цюрихѣ опредѣляетъ свою дѣятельность въ настоящемъ слѣдующими задачами: „1) литературное дѣло, заключающееся въ изданіи книгъ и въ поддержкѣ изданій соціалистическаго направленія; 2) пропаганда соціальныхъ идей; 3) установленіе связей съ заграничными кружками и отдѣльными личностями; 4) сношенія съ Россіей, на которыя обращается особенное вниманіе кружка и сущность которыхъ, по уставу, заключается въ слѣдующемъ: а) поддержка и установленіе связей для ознакомленія съ преобладающими теченіями среди дѣйствующихъ въ Россіи революціонныхъ кружковъ; б) организація транспортовъ; в) устройство съѣзда заграницей для уясненія программныхъ вопросовъ, и 5) забота о матеріальныхъ средствахъ, составляющихся изъ доходовъ съ баловъ, лотерей, подписокъ, взносовъ и средствъ, собранныхъ въ Россіи.“

Независимо сего швейцарскими властями были обысканы и допрошены тѣ лица, на причастность которыхъ къ дѣятельности Исаака Дембо получались указанія при слѣдствіи. Всѣ эти лица, отрицая всякое свое участіе въ выдѣлкѣ разрывныхъ снарядовъ и знаніе свое о какихъ либо къ тому приготовленіяхъ, признаютъ лишь, что они интересуются „вопросами мирной соціалистической пропаганды“. Изъ совокупности, однако, данныхъ ими показаній составляется вполнѣ опредѣленное убѣжденіе въ существованіи организаціи такъ называемой русской колоніи въ Цюрихѣ, въ которой всѣ лица, занимающіяся кромѣ науки, революціонными дѣлами, распредѣляются на группы по пяти человѣкъ; представитель каждой группы участвуетъ въ общихъ собраніяхъ, на которыхъ обсуждаются политическіе вопросы; члены кружковъ дѣлаютъ взносы въ размѣрѣ одного франка въ мѣсяцъ, образующіе агитаціонный фондъ, идущій частью на расходы по дѣлу, а частью на выдачу пособія нуждающимся. Такъ, на счетъ этихъ пособій жилъ заграницею во все время пребыванія тамъ Исаакъ Дембо. Кромѣ распредѣленія на кружки большинство эмигрантовъ участвуютъ въ учрежденіи „русской читальни“ и „славянскаго соціалистическаго клуба“, основаннаго въ концѣ семидесятыхъ годовъ политическими эмигрантами Лавровымъ и Бакунинымъ. Оба эти учрежденія имѣютъ свои библіотеки, въ которыхъ, на ряду съ незапрещенными изданіями, находятся „для желающихъ“ и всѣ произведенія подпольной печати.

Изъ числа проживавшихъ въ Цюрихѣ русскихъ подданныхъ особенно близки къ Исааку Дембо были нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ сынъ коллежскаго ассесора Георгій Бекъ и дворянинъ Антонъ Гнатовскій. Добытыя слѣдствіемъ объ этихъ лицахъ въ Цюрихѣ свѣдѣнія подтверждаютъ, что Георгій Бекъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Дембо, Гна-

товскимъ, Николаемъ Рудевичемъ и другими, вмѣстѣ съ которыми былъ главнымъ дѣятелемъ въ читальнѣ и въ соціалистическомъ клубѣ. Антонъ Гнатовскій, служившій связью между цюрихскимъ и женевскимъ кружками, узнавъ послѣ взрыва бомбы, что цюрихскія власти приступили къ арестамъ лицъ, имѣвшихъ сношенія съ Дембо, успѣлъ скрыться изъ Цюриха.

По свѣдѣніямъ, добытымъ агентурнымъ путемъ, группа цюрхскихъ народовольцевъ съ представителями своими Дембо и Гнатовскимъ, по сношеніи съ дѣйствующими революціонными кружками въ Россіи, рѣшила, приблизительно осенью 1888 г., предпринять новое проявленіе активной дѣятельности и, за невозможностью въ самой Россіи организовать правильное покушеніе, рѣшило сдѣлать всѣ необходимыя къ нему приготовленія заграницей, и, не задаваясь какимъ либо опредѣленнымъ срокомъ, привести свой планъ въ исполненіе при первой возможности. Для пополненія личнаго состава активныхъ дѣятелей въ Россіи было рѣшено, что нѣсколько участниковъ цюрихской группы возвратятся въ теченіи осени и зимы на родину, какъ для поддержанія болѣе близкихъ связей съ заграницей, такъ и для необходимыхъ подготовленій на мѣстѣ, а въ это время Дембо, Гнатовскій и Дембскій, при содѣйствіи нѣкоторыхъ второстепенныхъ дѣятелей, занялись приготовленіемъ взрывчатаго вещества и наиболѣе удобныхъ для храненія и метанія снарядовъ, съ которыми и были произведены 22 февраля (6 марта) опыты.

Изъ дѣла видно, что Исаакъ Дембо, Антонъ Гнатовскій и Николай Рудевичъ подлежали привлеченію къ дознанію о злодѣйскомъ замыслѣ на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, обнаруженномъ 1-го марта 1887 г., но до выясненія ихъ участія въ этомъ преступленіи успѣли скрыться заграницу.

По предъявленіи находящейся при дѣлахъ жандармскаго управленія фотографической карточки Исаака Дембо дворянамъ Витольду и Болеславу Рымашевскимъ и бердянскому мѣщанину Соломону Бродскому, они показали, что въ этой карточкѣ они признаютъ личность, которую они знали въ Цюрихѣ съ половины 1887 г. подъ именемъ Бринштейна.

По сличеніи образцовъ несомнѣннаго почерка мѣщанина Исаака Дембо со снимкомъ съ записокъ, найденныхъ по обыску у Маріи Гинсбургъ, эксперты нашли между ними полное сходство. Т. VI л. 217.

Экспертъ генералъ-маіоръ Котиковъ, по осмотрѣ трехъ металлическихъ шаровъ изъ числа заказанныхъ Исаакомъ Дембо въ Цюрихѣ и по предъявленіи ему экспертизы, произведенной въ Швейцаріи докторомъ Росселемъ, объяснилъ, что шары отлиты изъ сплава олова и мѣди и имѣютъ: первый—2.148, второй—1.7 и третій 1.528 дюйма наружнаго діаметра; они состоятъ изъ двухъ спаянныхъ между собою полушарій: въ каждомъ изъ нихъ находится круглое отверстіе, герметически закрываемое плотно привинченными винтами, поверхность которыхъ сглажена наравнѣ съ поверхностью шара и имѣетъ разрѣзъ для отвинчиванія винтовъ. По заключенію генералъ-маіора Котикова, жидкость, оказавшаяся въ бутылкѣ, найденной Т. VI л. 191. Т. II л. 156.

на мѣстѣ взрыва бомбы близъ Корпуса, взрывчатое вещество нитроглицеринъ, плохо приготовленный и плохо промытый, а потому содержащій свободную азотную кислоту, продукты ея разложенія и продукты неполной нитрификаціи глицерина. Въ такомъ состояніи взрывчатое вещество легко можетъ неожиданно взорвать и достаточно самыхъ малыхъ толчковъ, чтобы произошелъ взрывъ. Кромѣ толчковъ, взрывъ можетъ быть вызванъ и самымъ незначительнымъ нагрѣваніемъ или повышеніемъ температуры. Судя по наружной формѣ осмотрѣнныхъ шаровъ, едва ли можно, по мнѣнію генералъ-маіора Котликова, сомнѣваться въ томъ, что они предназначались для приготовленія разрывныхъ снарядовъ. Опредѣляя способъ воспламененія подобныхъ разрывныхъ снарядовъ, экспертъ генералъ-маіоръ Котликовъ пришелъ къ заключенію, что при наполненіи ихъ тѣмъ взрывчатымъ веществомъ, которое опредѣлено изслѣдованіемъ доктора Росселя, нельзя навѣрное разсчитывать на взрывъ снаряда отъ сотрясенія и удара, происходящихъ при паденіи его, а потому невозможно навѣрное управлять моментомъ его взрыва безъ особаго приспособленія для воспламененія взрывчатаго вещества. Что касается разрушительной силы такого разрывнаго снаряда, наполненнаго нитроглицериномъ, то, при объемѣ большаго изъ трехъ шаровъ, она равняется силѣ 72 золотниковъ пороха и должна дѣйствовать безусловно разрушительно въ окружности съ радіусомъ въ семь футовъ.

III.

Въ виду близкихъ отношеній обвиняемаго Михаила Стояновскаго къ личности, проживавшей въ Петербургѣ по паспорту Вильгельмины Браунъ, которая была отмѣчена въ домовой книгѣ прибывшей изъ г. Харькова, гдѣ находился въ то время братъ Михаила Стояновскаго, студентъ университета Семенъ Стояновскій, было сдѣлано распоряженіе о производствѣ обыска у Семена Стояновскаго.

Т. I л. 162. По прибытіи должностныхъ лицъ на квартиру Семена Стояновскаго, проживавшаго въ то время со студентомъ Лейбою Фрейфельдомъ, они нашли таковую запертою изнутри и на требованіе отворить дверь не получили отвѣта. Когда, наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, дверь была открыта, то комната оказалась наполненною дымомъ отъ сожженой бумаги, уцѣлѣвшіе клочки которой валялись на полу; въ комнатѣ находились Семенъ Стояновскій и Лейба Фрейфельдъ; у Стояновскаго была обожжена ладонь одной руки, а у Фрейфельда опалены волосы на головѣ и закопчена бровь.

По осмотру найденныхъ въ комнатѣ книгъ и бумагъ, обратили на себя вниманіе слѣдующія:

1) Клочки обожженной бумаги, носящей слѣды рукописи, въ которой встрѣчаются фразы объ урегулированіи налоговъ, объ установленіи государственной помощи крестьянамъ, фабричнымъ и мелко-промышленнымъ рабочимъ, о призывѣ интеллигентныхъ силъ къ борьбѣ „съ русскимъ монархизмомъ“, объ уполномочіи каждаго революціонера выступать во всякое время или въ качествѣ организатора, или въ качествѣ рядоваго, о

требованіи свободы слова и печати, свободы сходокъ и участія народа чрезъ своихъ представителей въ государственномъ управленіи, о веденіи революціонной борьбы не партіей или организаціей, а всей революціонной средой и т. п.

2) Записка на листкѣ почтовой бумаги, писанная карандашемъ, слѣдующаго содержанія: „Многоуважаемый Никифоръ Климентьевичъ, пока, какъ оказывается, ѣхать Степану Михайловичу нѣтъ необходимости. Если же нужно будетъ и онъ поѣдетъ, то онъ Васъ извѣститъ объ этомъ. Съ нетерпѣніемъ буд. ждать отъ Васъ вѣсточки, жму Вашу руку. Семенъ. 15 марта.“

3) Записная книжка, заключающая въ себѣ рукопись съ разсужденіями отчасти революціоннаго содержанія.

4) Листокъ бумаги съ заголовкомъ: „Розыгрышъ серебряныхъ часовъ, 50 номеровъ, стоимость № 20 коп.,“ заключающій въ себѣ списокъ лицъ, взявшихъ билеты на эту лотерею; противъ № 50 написано карандашемъ „Стояновскій“.

5) Два рукописныхъ каталога книгъ для чтенія.

6) Листки синей переводной и восковой бумаги, и

7) Нѣсколько сочиненій соціально-экономическаго содержанія.

Сличеніемъ почерка, которымъ писаны: рукопись оставшаяся на уцѣлѣвшихъ отъ огня клочкахъ бумаги, и письмо на имя Никифора Климентьевича, съ почеркомъ Семена Стояновскаго, установлено полное сходство этихъ почерковъ между собою. Т. IV л. 314.

Результаты обыска послужили основаніемъ для привлеченія Семена Стояновскаго и Лейбы Фрейфельда къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Не признавая себя, на первыхъ допросахъ, виновными въ принадлежности къ тайному революціонному сообществу, они показали:

Семенъ Стояновскій—что разорванныя и сожженныя имъ во время обыска бумаги составляли двѣ революціонныя программы, купленныя имъ на улицѣ у неизвѣстнаго лица. Записка на имя Никифора Климентьевича писана имъ, но кому именно, онъ сказать не желаетъ и отъ объясненій по поводу ея содержанія отказывается. Т. I л. 179 и 375.

Лейба Фрейфельдъ—что онъ знакомъ съ Семеномъ Стояновскимъ, какъ съ товарищемъ по Николаевской гимназіи и жилъ съ нимъ на квартирѣ въ Харьковѣ два раза: въ теченіи декабря 1888 г. и потомъ съ 10 по 25 марта 1889 г., когда оба они, послѣ произведеннаго у нихъ обыска, были арестованы. Ночью, когда пришли производить у нихъ обыскъ, онъ, проснувшись отъ стука въ дверь и увидѣвъ, что Стояновскій сжигаетъ бумаги, сталъ помогать ему въ этомъ; какія это были бумаги, ему неизвѣстно. Софью Гинсбургъ онъ не знаетъ и въ фотографической ея карточкѣ не призналъ знакомой личности. Т. л. 182, 377.

Произведенными одновременно съ симъ, съ цѣлью обнаруженія мѣста пребыванія Софьи Гинсбургъ, розысками выяснено, что 20 ноября 1888 г. Софья Гинсбургъ была въ Москвѣ и, судя по признакамъ на найденныхъ въ ея квартирѣ въ С.-Петербургѣ [illegible] и [illegible], выѣхала того же Т. I л. 278.

числа въ Петербургъ; въ Москвѣ она была прописана подъ именемъ Вильгельмины Браунъ, равно какъ и въ Харьковѣ, гдѣ, передъ пріѣздомъ въ Москву, прожила съ 22 октября до половины ноября того же года.

Т. II л. 287. По показанію свидѣтеля Савина, Софію Гинсбургъ, во время пребыванія ея въ указанное время въ Харьковѣ, посѣщалъ Лейба Фрейфельдъ.

Т. VI л. 263—264. Обнаружено затѣмъ, что Софія Гинсбургъ проживала въ Харьковѣ нѣкоторое время и въ началѣ 1889 г. Свидѣтели жандармскіе унтеръ-офицеры Малуповъ и Чернявскій, наблюдавшіе за Лейбою Фрейфельдъ, удостовѣрили, что этотъ послѣдній встрѣтилъ Гинсбургъ на Харьковскомъ
Т. II л. 280, 281. вокзалѣ желѣзной дороги 21 февраля, а свидѣтельницы Богатырева и Клименкова показали, что, когда съ половины марта Фрейфельдъ поселился съ Стояновскимъ, ихъ постоянно посѣщала женщина, которую онѣ узнаютъ въ карточкѣ Софіи Гинсбургъ.

Т. III л. 343, 344. По показанію, наконецъ, дворника дома, въ которомъ жилъ Фрейфельдъ, Василія Постникова, Софія Гинсбургъ являлась къ Фрейфельду ежедневно.

Обнаруженныя такимъ образомъ свѣдѣнія о пребываніи обвиняемой Софіи Гинсбургъ въ Харьковѣ, какъ до пріѣзда ея въ Петербургъ въ ноябрѣ 1888 г., такъ и послѣ сокрытія ея отсюда въ февралѣ 1889 года, вызвали предположеніе, что найденная по обыску у Семена Стояновскаго записка на имя Никифора Климентьевича предназначалась народному учителю Никифору Климентьевичу Сидорову, съ которымъ, какъ было установлено дознаніемъ, Софія Гинсбургъ была знакома, и что эта записка относилась до предполагавшагося выѣзда изъ Харькова Софіи Гинсбургъ, названной въ запискѣ сходнымъ по своимъ иниціаламъ именемъ Степана Михайловича.

Т. II л. 106, 189, 221, 420. Т. III л. 107. Спрошенный дополнительно, въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ Семенъ Стояновскій, признавая указанное выше назначеніе этой записки, а равно и сношенія свои съ обвиняемою Софіей Гинсбургъ, показалъ, что развитіе его революціоннаго направленія началось за годъ до его ареста, подъ вліяніемъ чтенія революціонныхъ сочиненій, какъ то: „Вѣстника Народной Воли“, журнала „Впередъ“, „программы исполнительнаго комитета“ и другихъ. Онъ занимался также сборомъ пожертвованій въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ; но эти сборы не превышали пяти или десяти рублей въ каждомъ случаѣ, а такихъ случаевъ было три. Къ такому же сбору относится и взятый у него при обыскѣ листокъ для розыгрыша въ лотерею его часовъ, но лица, подписавшіяся на билеты въ этомъ листкѣ, не знали о назначеніи лотереи. По этому листку онъ собралъ не больше трехъ рублей, которые остались у него. Кромѣ этого онъ распространялъ революціонную литературу среди учащейся молодежи въ Харьковѣ, въ томъ числѣ давалъ для чтенія разныя революціонныя программы, а именно «программу народной воли», «программу освобожденія труда» и т. п. Онъ занимался также и устной пропагандой соціально-революціонныхъ идей среди той же молодежи и, наконецъ, самъ составилъ программу, съ цѣлью дать себѣ отчетъ, въ какомъ направленіи должна идти дальнѣе его дѣятельность. Эта программа и была имъ разорвана въ клочки во время обыска у него. Въ этой программѣ

онъ указывалъ, что для измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго порядка на соціалистическихъ началахъ необходимо проникновеніе въ массу общества соціалистическихъ идей, чѣмъ и должны заняться въ Россіи соціалисты-революціонеры. Такъ какъ достигнуть этого мирнымъ путемъ нельзя, то необходимо прибѣгнуть къ террору, подъ которымъ онъ разумѣлъ исключительно цареубійство. Самая система террора должна заключаться въ томъ, что революціонная партія, какъ организованное цѣлое, не должна существовать, а каждый революціонеръ направляетъ свои силы на осуществленіе террора, какъ единолично, такъ и посредствомъ составленія небольшой группы для выполненія террористическаго факта. Такимъ образомъ „систему борьбы съ правительствомъ" онъ сводилъ: 1, къ распространенію вообще революціонной среды и 2, къ самостоятельности революціонныхъ силъ въ террористической дѣятельности. Лицъ, которымъ онъ сообщалъ свои революціонныя убѣжденія и которыхъ снабжалъ преступными сочиненіями, онъ назвать не желаетъ. По его словамъ, Софія Гинсбургъ пріѣхала въ Харьковъ 19 или 20 октября 1888 г. прямо изъ заграницы и остановилась у него на квартирѣ; дней черезъ десять она перешла въ гостиницу Вѣну, а потомъ на Кацарскую улицу. Письменнаго своего вида Софія Гинсбургъ ему не показывала, но говорила, что она живетъ подъ именемъ Браунъ. На его квартирѣ Софія Гинсбургъ не была прописана и квартирнымъ хозяевамъ не было извѣстно о томъ, что она живетъ у него. Для того, чтобы скрыть это отъ квартирныхъ хозяевъ, Софія Гинсбургъ рано утромъ незамѣтно выходила изъ квартиры, а потомъ, немного позже, приходила обратно. О цѣли своего пріѣзда изъ заграницы въ Россію Софія Гинсбургъ ничего ему не говорила, въ Харьковѣ же она жила съ той цѣлью, чтобы легализировать паспортъ на имя Вильгельмины Браунъ, прописавъ его въ Харьковской полиціи для того, чтобы этотъ паспортъ не вызывалъ никакихъ сомнѣній при переѣздѣ ея въ другой городъ. Въ двадцатыхъ числахъ ноября Софія Гинсбургъ уѣхала въ Петербургъ и при этомъ онъ далъ ей свой чемоданъ, найденный впослѣдствіи при обыскѣ въ квартирѣ Вильгельмины Браунъ въ Петербургѣ. Изъ Петербурга Софія Гинсбургъ писала ему раза два, извѣщая его лишь о своемъ здоровьѣ. Во второй половинѣ февраля 1889 г. Софія Гинсбургъ возвратилась изъ Петербурга въ Харьковъ и опять остановилась у него на квартирѣ. Она разсказала ему, что вынуждена была уѣхать оттуда, потому что оставила въ лавочкѣ портмонэ съ прокламаціей, которую она составила сама, а переписалъ братъ его Михаилъ Стояновскій. Передавая ему содержаніе этой прокламаціи, Софія Гинсбургъ говорила, что въ ней были изложены причины, вызывающія необходимость цареубійства, и тѣ результаты, какіе желаютъ достигнуть цареубійствами; Софія Гинсбургъ высказывала сильное безпокойство по поводу участи его брата Михаила, котораго можетъ изобличить почеркъ на прокламаціи. О цѣли, для которой она составила эту прокламацію, Софія Гинсбургъ ему не сообщала, потому что ихъ обоихъ въ то время занималъ не этотъ вопросъ, а угрожавшая брату его Михаилу опасность. Дней черезъ десять по возвращеніи изъ Петербурга Софія Гинсбургъ уѣхала изъ Харькова по направленію къ

станции Лозовой. Незадолго до ея отъѣзда онъ, Семенъ Стояновскій, написалъ записку отъ 15 марта на имя Никифора Елисеевича, предназначавшуюся Сидорову, которому, по просьбѣ Софіи Гинсбургъ, онъ долженъ былъ извѣстить объ ея отъѣздѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ повидался съ нею на ст. Лозовой. Записка осталась неотосланною и была замѣнена другою. Впослѣдствіи Софія Гинсбургъ написала ему съ дороги, что она Сидорова не видала.

Т. III л. 20, 34, 37. Полученныя такимъ образомъ указанія на сношенія Софіи Гинсбургъ съ учителемъ Никифоромъ Сидоровымъ послужили поводомъ къ собранію дальнѣйшихъ свѣдѣній о семъ послѣднемъ. При этомъ было обнаружено, что, 16 мая 1889 г., Сидоровъ ѣздилъ въ г. Мелитополь и сдалъ тамъ посылку въ г. Севастополь на имя Алексѣя Орочко, но, затѣмъ, узнавъ, что къ нему на квартиру пріѣхалъ жандармскій офицеръ, взялъ эту посылку обратно съ почты и скрылъ ее.

Т. II л. 368, 377. Никифоръ Сидоровъ, признавая, что зналъ о проживательствѣ Софіи Гинсбургъ въ Россіи подъ чужимъ именемъ, показалъ, что съ Софіей Гинсбургъ онъ познакомился осенью 1885 г. въ с. Акимовкѣ у купца Исая Черноморддика, гдѣ она была гувернанткой. Весною 1886 г. Софія Гинсбургъ уѣхала въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда проѣхать заграницу. Осенью 1886 г. она прислала ему изъ заграницы письмо, въ которомъ извѣщала, что поступила въ Бернскій университетъ на медицинскій факультетъ. Черезъ годъ послѣ этого, осенью 1887 г., Софія Гинсбургъ вновь появилась въ с. Акимовкѣ и прожила въ домѣ Черноморддика до конца января 1888 г. Наканунѣ своего послѣдняго отъѣзда она приняла крещеніе; причиною, побудившею ее перемѣнить религію, было желаніе получить право занять мѣсто сельской учительницы. При отъѣздѣ Софія Гинсбургъ просила его вести съ нею переписку на имя знакомаго ея въ Севастополѣ Алексѣя Орочко, служащаго оберъ-фейерверкеромъ въ Севастопольской крѣпости. Въ апрѣлѣ 1888 г. онъ получилъ изъ Севастополя письмо отъ Софіи Гинсбургъ съ помѣткою „Парижъ". Она писала, что живетъ въ Парижѣ, сильно скучаетъ и сожалѣетъ, что оставила Россію, такъ какъ опасенія ея быть арестованною въ Россіи по политическому дѣлу оказались впослѣдствіи неосновательными и дѣло было пустое, за которое ей не угрожала отвѣтственность. Онъ послалъ ей отвѣтъ въ Севастополь по адресу Орочко. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября 1888 г. онъ такимъ же путемъ получилъ второе письмо отъ Гинсбургъ изъ Парижа. Въ немъ она сообщала, что надѣется скоро быть въ Россіи и желала бы повидаться съ нимъ. Въ первыхъ числахъ октября 1888 г. пріѣхалъ къ нему въ Акимовку изъ Харькова Семенъ Стояновскій и сказалъ, что Софія Гинсбургъ пріѣхала изъ заграницы, живетъ въ Харьковѣ и поручила ему съѣздить въ Акимовку попросить у него для нея денегъ. Онъ, Сидоровъ, былъ въ то время долженъ Софіи Гинсбургъ около 60 р., которые онъ послѣ выѣзда ея заграницу получилъ по ея просьбѣ, какъ слѣдовавшее ей вознагражденіе за занятія съ дѣтьми Черноморддика и купца Ханкина; но такъ какъ у него въ то время не было свободныхъ денегъ, то онъ ничего Стояновскому

скому не далъ. Въ этотъ же разъ Стояновскій сообщилъ ему, что Софія Гинсбургъ живетъ подъ чужимъ именемъ и пріѣхала изъ заграницы для революціонной дѣятельности, но въ чемъ эта дѣятельность должна выразиться, не объяснилъ. Съ тѣхъ поръ, до весны 1889 г., онъ не получалъ никакихъ извѣстій ни отъ Гинсбургъ, ни отъ Стояновскаго. Въ концѣ февраля 1889 г. Семенъ Стояновскій пріѣхалъ къ нему вторично и, заявивъ, что Софія Гинсбургъ нуждается въ деньгахъ, просилъ дать ему 100 р. Такъ какъ и въ этотъ разъ у него не было денегъ, то Стояновскій просилъ его выслать эту сумму въ Харьковъ, для чего далъ ему адресъ какого то неизвѣстнаго ему Ивана Ивановича Шапиро. Здѣсь же Стояновскій сообщилъ ему, что Софія Гинсбургъ черезъ нѣсколько дней будетъ проѣзжать на югъ и просилъ его выйти на вокзалъ при проѣздѣ ея черезъ станцію Акимовку. На другой день Стояновскій уѣхалъ по направленію къ Севастополю. Черезъ недѣлю послѣ этого онъ, Сидоровъ, послалъ на имя Шапиро въ Харьковъ 100 р., приложивъ записку, въ которой просилъ передать эти деньги Семену Стояновскому. 19 или 20 марта Стояновскій прислалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ, въ какой день Софія Гинсбургъ будетъ проѣзжать черезъ Акимовку, причемъ прибавлялъ, что она поѣдетъ въ Севастополь. Это письмо онъ получилъ послѣ назначеннаго для проѣзда Гинсбургъ времени, а потому съ нею не видѣлся. 3 или 4 мая онъ получилъ по почтѣ письмо отъ Гинсбургъ, въ которомъ она просила прислать ей въ Севастополь на имя Алексѣя Орочко оставшуюся у него ея книгу „Химія“ Менделѣева, которую онъ и собиралсяотослать ей изъ г. Мелитополя.

Въ виду вышеизложеннаго показанія Никифора Сидорова, былъ произведенъ въ г. Севастополѣ у оберъ-фейерверкера Севастопольской крѣпостной артиллеріи Алексѣя Орочко обыскъ, по которому найдены: Т. III л. 40.

1) клочекъ почтовой бумаги съ надписью карандашемъ: „письмо для передачи брату получилъ. М. Фрейфельдъ;“

2) конвертъ съ письмомъ изъ Витебска отъ 20 мая за подписью „твоя Татьяна“ и съ обращеніемъ „дорогой Леля“. Въ этомъ письмѣ обратило на себя вниманіе выраженіе: „папа проситъ передать поклонъ Маріи Павловнѣ, Филиппу Терентьевичу, Николаю Николаевичу;“

3) два рецепта аптеки Майера въ Севастополѣ за подписью врача Мертваго на имя Ивановой, и

4) почтовый конвертъ съ адресомъ „Севастополь, Канцелярія Крѣпостной Артиллеріи, оберъ-фейерверкеру Алексѣю Венедиктовичу Орочко.“ Послѣднія три слова оказались подчеркнутыми волнистою чертою. На этомъ конвертѣ наложены штемпеля почтоваго вагона отъ 11 и 12 мая 1889 г.

По предъявленіи этого конверта Никифору Сидорову, послѣдній призналъ, что адресъ Орочко писалъ его рукою и что въ этомъ конвертѣ онъ послалъ Софіи Гинсбургъ на имя Орочко письмо, но содержаніе этого письма не помнитъ.

Т. III л. 41, 49, 85, 121.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго оберъ-фейерверкеръ севастопольской крѣпостной артиллеріи Алексѣй Орочко на первыхъ допросахъ не признавалъ себя виновнымъ въ принадлежности къ противозаконному сообществу и въ укрывательствѣ обвиняемой Софіи Гинсбургъ и отрицалъ знакомство свое какъ съ нею, такъ и съ Сидоровымъ. Впослѣдствіи же Алексѣй Орочко объяснилъ, что съ Софіей Гинсбургъ онъ познакомился въ 1884 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ тогда ученикомъ пиротехнической школы. Онъ встрѣтился съ нею въ то время одинъ только разъ у своей знакомой Евстафіи Семеновой и послѣ того долго съ нею не видѣлся и ничего о ней не слышалъ. Въ 1888 г., когда онъ служилъ уже въ Севастополѣ, онъ нашелъ однажды у себя дома записку, подписанную Софіей Михайловой, въ которой его приглашали зайти въ гостинницу Ветцеля. Придя туда, онъ встрѣтилъ Софію Гинсбургъ, которая, ведя съ нимъ разговоръ о предметахъ обыденныхъ, попросила его, между прочимъ, разрѣшить ей пользоваться его адресомъ для переписки съ Сидоровымъ; въ тотъ же день она куда-то уѣхала. Черезъ нѣсколько времени, приблизительно лѣтомъ 1888 г., онъ получилъ письмо изъ заграницы, **заклеенное въ особый конвертъ съ надписью: „для передачи Н. К.“.** Это письмо онъ переслалъ Никифору Сидорову и послѣ того переслалъ еще два или три письма, полученныхъ такимъ же путемъ. Самого Сидорова онъ никогда не видѣлъ. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1889 года онъ получилъ записку отъ Софіи Гинсбургъ, приглашавшей его зайти въ гостинницу Бельвю и спросить тамъ Марію Марковну Ямпольскую, изъ чего онъ заключилъ, что Софія Гинсбургъ называла себя этимъ именемъ. Когда онъ пришелъ по этому приглашенію, то Софія Гинсбургъ просила его прискать ей комнату и какую нибудь работу. Онъ нанялъ для нея комнату по Мичманской улицѣ въ домѣ какой то вдовы Елены Францевны. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ два письма для Софіи Гинсбургъ, которыя онъ опредѣлилъ потому, что адресъ его на конвертѣ, какъ было имъ условлено съ Софіей Гинсбургъ, былъ подчеркнутъ волнистою чертою. Онъ часто посѣщалъ Софію Гинсбургъ, но никого у нея не встрѣчалъ и не знаетъ, съ кѣмъ она была знакома. Онъ не могъ пріискать Софіи Гинсбургъ уроковъ, какъ она просила, но нашелъ ей занятіе въ швейномъ магазинѣ. У него въ Севастополѣ былъ знакомый содержатель косметическаго магазина Григорій Прейлнеръ, жена послѣдняго Марія Прейлнеръ и компаньонка ея Анна Шестопалъ, съ которыми онъ познакомилъ Софію Гинсбургъ подъ именемъ Маріи Николаевны, доставили ей работу въ швейной мастерской Агафоновой по 50 коп. въ день. Гинсбургъ занималась тамъ около двухъ мѣсяцевъ. Онъ познакомилъ также Софію Гинсбургъ съ сыномъ священника Алексѣемъ Тепловымъ, жившимъ на хуторѣ Монрепо въ трехъ верстахъ отъ Севастополя, куда Софія Гинсбургъ ѣздила для оказанія медицинскаго пособія новорожденному ребенку Теплова и гдѣ она была отрекомендована имъ подъ именемъ Софіи Михайловны Глаголевой. Самъ онъ познакомился съ Тепловымъ также въ Севастополѣ и знаетъ, что Тепловъ находился подъ надзоромъ полиціи по политическому дѣлу. О революціонной дѣятельности Софіи Гинсбургъ онъ ниче-

го не знаетъ, а то, что она жила въ Севастополѣ подъ чужимъ именемъ, она объясняла семейными причинами, которыхъ, однако, ему не открывала. Въ маѣ 1889 г. къ нему въ Севастополь пріѣзжалъ изъ Витебска отецъ его, котораго онъ также познакомилъ съ Софіей Гинсбургъ, зайдя съ нимъ отдохнуть на квартиру послѣдней. 14 мая онъ пригласилъ своего отца на прогулку въ Инкерманъ вмѣстѣ съ Софіей Гинсбургъ и другими лицами. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ Софіей Гинсбургъ 17 мая на ея квартирѣ, а затѣмъ былъ арестованъ. Что касается отобранныхъ у него по обыску бумагъ, то изъ нихъ два рецепта на имя Ивановой принадлежатъ Софіи Гинсбургъ; письмо къ нему писано его сестрою изъ Витебска, росписка же Фрейфельда въ полученіи письма для его брата прислана ему изъ Витебска его отцемъ, которому при отъѣздѣ его изъ Севастополя онъ вручилъ письмо для передачи купцу Фрейфельду на станціи Лозовой; отъ кого было это письмо, онъ объяснить не желаетъ.

Произведенные послѣ ареста обвиняемаго Алексѣя Орочко розыски Софіи Гинсбургъ въ Севастополѣ обнаружили, что она жила на квартирѣ въ домѣ Елены Киселевой, откуда 25 мая переѣхала къ содержательницѣ модной мастерской Глафирѣ Агафоновой. 28 мая Софія Гинсбургъ выѣхала изъ Севастополя и 31 мая была задержана въ Успенскомъ скитѣ близъ г. Бахчисарая.

IV.

Разслѣдованіе, произведенное въ г. Севастополѣ для выясненія обстоятельствъ пребыванія тамъ обвиняемой Софіи Гинсбургъ, дало слѣдующіе результаты:

По осмотру домовыхъ книгъ въ г. Севастополѣ въ гостинницѣ Бельвю и въ домѣ Маркушева, арендуемомъ вдовою штабсъ-капитана Еленою Киселевой, въ нихъ оказалась записанною съ 20 марта 1889 г. домашняя учительница Марія Марковна Ямпольская, проживавшая по свидѣтельству 2 Харьковской женской гимназіи отъ 4 іюня 1888 г. за № 454.

Спрошенныя въ качествѣ свидѣтелей, нижеслѣдующія лица, показали:

Швейцаръ гостинницы Бельвю, мѣщанинъ Семенъ Шленскій, и коммиссіонеръ той же гостинницы запасный унтеръ-офицеръ Карлъ Войцеховичъ,—что въ началѣ марта 1889 г. Софія Гинсбургъ пріѣхала въ гостинницу въ сопровожденіи Алексѣя Орочко, заняла номеръ и проживала здѣсь дня три; Орочко посѣщалъ ее ежедневно. По словамъ свидѣтеля Шленскаго, къ Софіи Гинсбургъ приходилъ также и другой мужчина, штатскій, примѣты котораго, описанныя Шленскимъ, подходятъ къ примѣтамъ Алексѣя Теплова. Т. IV л. 155, 156.

Вдова штабсъ-капитана Елена Киселева,—что 31-го марта 1889 г. Алексѣй Орочко нанялъ у нея комнату для Софіи Гинсбургъ, которая назвала себя Маріей Марковной Ямпольской. Послѣдняя прожила у нея до 25 мая; обыкновенно она уходила изъ дому въ 7 часовъ утра и возвращалась домой къ 9 часамъ вечера. Кромѣ Орочко ее посѣщали дѣвицы Т. III л. 260, 262.

Анна Шестопалъ и какой-то штатскій господинъ, похожій по примѣтамъ на Алексѣя Теплова. 25 мая Софія Гинсбургъ оставила квартиру, объяснивъ что она должна уѣхать въ Симферополь вслѣдствіе болѣзни родныхъ.

Т. III л. 220 263
Т. V л. 22. Купецъ Гиршъ Прейзнеръ,—что въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 г. Алексѣй Орочко познакомилъ съ нимъ и съ его женою какую-то Марію Николаевну Логвиненко, которая съ тѣхъ поръ посѣщала его домъ и познакомилась съ проживавшею у нихъ дѣвицею Анною Шестопалъ. При посредствѣ Шестопалъ Марія Николаевна получила работу у модистки Агафоновой. По предъявленіи ему обвиняемой Софіи Гинсбургъ, этотъ свидѣтель призналъ въ ней личность, которую онъ зналъ подъ именемъ Маріи Николаевны Логвиненко.

Т. IV л. 195. Изъ показанія отставнаго унтеръ-офицера Дмитрія Бондарева видно, что Софія Гинсбургъ на первый день праздника Св. Троицы пріѣхала въ сопровожденіи Алексѣя Теплова на станцію Мекензіевы-Горы, откуда Тепловъ возвратился обратно въ Севастополь, а Гинсбургъ поѣхала дальше.

Т. IV 75, 184. Монахъ Успенскаго скита близь г. Бахчисарая Феодосій показалъ, что въ ночь на 25 мая 1889 г. въ Троицынъ день пріѣхала въ монастырскую гостинницу на извощикѣ, очевидно съ послѣдняго поѣзда желѣзной дороги, неизвѣстная ему дѣвушка, которую онъ признаетъ въ фотографической карточкѣ обвиняемой Софіи Гинсбургъ и, занявъ тамъ номеръ, прожила до 31 мая, а въ этотъ день утромъ была арестована. Лицо пріѣзжей показалось ему знакомымъ, вслѣдствіе чего онъ спросилъ, не была ли она раньше въ монастырѣ. Она отвѣчала, что пріѣзжала сюда въ январѣ 1888 г. и назвалась Вѣрою. Справившись въ книгахъ скита, онъ нашелъ тамъ отмѣтку пріѣзжавшей въ январѣ мѣсяцѣ Вѣры Степановой и припомнилъ, что въ означенное время, вслѣдъ за пріѣздомъ въ монастырь этой особы, пріѣхалъ туда же молодой человѣкъ, военный, но не офицеръ, похожій на предъявленную ему карточку обвиняемаго Алексѣя Орочко. Этотъ военный провелъ съ этою дѣвицею одни сутки, переночевалъ же у него въ келіи.

Т. V л. 22. Спрошенная въ качествѣ свидѣтельницы жена мѣщанина Марія Теплова показала, что въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1889 г. мужъ ея Алексѣй Тепловъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ собственникомъ имѣнія, въ которомъ они жили, отправился въ Севастополь искать для себя квартиру. Съ тѣхъ поръ онъ не возвращался домой и ей неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля того же года мужъ ея привезъ изъ Севастополя для оказанія медицинской помощи ихъ ребенку какую то акушерку, которую она признаетъ въ карточкѣ обвиняемой Софіи Гинсбургъ. Впослѣдствіи эта женщина пріѣзжала къ нимъ еще раза два, вмѣстѣ съ хорошимъ ихъ знакомымъ, оберъ-фейерверкеромъ Алексѣемъ Орочко. Имени и фамиліи этой женщины она не помнитъ.

Т. V л. 174. Изъ показанія брата жены поручика Душевскаго Дмитрія Михайлова слѣдуетъ заключить, что Алексѣй Тепловъ былъ знакомъ съ Ду-

шевскимъ, когда Душевскій жилъ въ г. Севастополѣ во второй половинѣ 1887 г.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что Тепловъ послѣ того какъ скрылся изъ Севастополя, проживалъ въ Парижѣ, гдѣ примкнулъ къ мѣстному террористическому кружку русскихъ эмигрантовъ и принялъ дѣятельное участіе въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ и метательныхъ снарядовъ. По обыску, произведенному у Теплова 17/29 мая 1890 г., у него были найдены металлическія принадлежности бомбъ и химическія вещества, входящія въ составъ разрывнаго вещества (панкластита). Въ виду результатовъ обыска Тепловъ былъ арестованъ и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу объ изготовленіи взрывчатыхъ снарядовъ, причемъ предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено, что Тепловъ, вмѣстѣ съ эмигрантомъ Рейнштейномъ, производилъ, 30 апрѣля/12 мая въ лѣсу Ренси, опыты съ разрывными снарядами и что во время этихъ опытовъ Тепловъ былъ раненъ въ ноги. Признанный виновнымъ въ храненіи и изготовленіи разрывныхъ снарядовъ Тепловъ присужденъ къ тюремному заключенію на три года. Т. IV л. 283. Т. V л. 205. Прилож. II л. 44.

Марія Ямпольская показала, что аттестатъ объ окончаніи семи классовъ гимназіи и свидѣтельство объ окончаніи восьмаго класса были переданы ею Лейбѣ Фрейфельду съ просьбою, въ замѣнъ этихъ документовъ, выхлопотать ей изъ Харьковскаго университета дипломъ на званіе домашней учительницы. Послѣ ареста Лейбы Фрейфельда она разсказала отцу о передачѣ Фрейфельду своихъ документовъ. Отецъ объявилъ ей, что одинъ изъ ея документовъ, а именно свидѣтельство объ окончаніи седьмаго класса, онъ получилъ отъ Якова Фрейфельда и что свидѣтельство объ окончаніи восьмаго класса утеряно. Какъ въ дѣйствительности распорядился Лейба Фрейфельдъ съ ея документами и проживала ли по одному изъ ея свидѣтельствъ Софія Гинсбургъ, ей неизвѣстно. Т. III л. 205.

Обвиняемый Лейба Фрейфельдъ, по поводу вышеизложенныхъ обстоятельствъ, объяснилъ, что Марія Ямпольская, съ которою онъ знакомъ уже давно, отдала ему въ началѣ 1889 г. свои документы на храненіе. Эти документы хранились въ его сундукѣ до самаго его ареста; онъ ихъ никому не передавалъ и не можетъ объяснить, какимъ образомъ одинъ изъ нихъ оказался у Софіи Гинсбургъ. Т. III л. 363.

Во время задержанія 31 мая 1889 г. въ Успенскомъ скитѣ обвиняемой Софіи Гинсбургъ послѣдняя схватила одно изъ лежавшихъ на столѣ писемъ и, изорвавъ его, пыталась проглотить, но была остановлена и письмо было отъ нея отобрано. При осмотрѣ оказавшихся при ней вещей и бумагъ найдены, между прочимъ, слѣдующія: 1. темнокоричневое осеннее женское пальто, по предъявленіи котораго въ Петербургѣ свидѣтельницѣ Маріи Татариновой она признала въ немъ то самое пальто, въ которомъ приходила въ магазинъ женщина, оставившая порошокъ съ преступнымъ воззваніемъ; 2. жидкость въ пузырькѣ, порошокъ и кусочки какого то вещества въ бумагѣ, которые, по изслѣдованіи ихъ въ столичномъ врачебномъ управленіи, оказались Т. III л. 228, 233, 269, 272. Т. VI л. 237. Т. I л. 355. Т. VI л. 281.

винно-каменной кислотой, пемзой, желѣзисто-синеродистымъ каліемъ и растворомъ полуторохлористаго желѣза; послѣднія два вещества, по объясненію химика-фармацевта, производившаго изслѣдованія, употребляются также какъ симпатическія чернила для тайной переписки; 3) тетрадь почтовой бумаги, на первой страницѣ которой написанъ карандашемъ почеркомъ Софіи Гинсбургъ проектъ письменнаго вида на свободное проживательство, выданнаго поручикомъ 3 батареи 35 артиллерійской бригады Ленинымъ женѣ своей Маріи Николаевнѣ Лениной за № 1239; 4) клочки разорванныхъ конвертовъ съ адресами, по уцѣлѣвшимъ частямъ которыхъ было обнаружено, что одинъ конвертъ былъ адресованъ „въ Севастополь Василію Николаевичу, до востребованія", а другой въ Харьковъ на Нѣмецкую улицу Николаю Сегалю для Шапиро, и 5) два письма съ двумя текстами, изъ которыхъ одинъ писанъ обыкновенными чернилами, а другой химическими.

Обнаруженіе произведеннымъ у обвиняемой Софіи Гинсбургъ обыскомъ конверта съ адресомъ Шапиро въ Харьковѣ подтвердило имѣвшееся уже въ виду показаніе Никифора Сидорова о высылкѣ послѣднимъ
Т. II л. 158. въ Харьковъ по этому адресу денегъ Стояновскому для передачи Гинсбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при разсмотрѣніи замѣтокъ Исаака Дембо, отобранныхъ при обыскѣ въ Лозаннѣ у мѣщанки Маріи Гинсбургъ, было обращено вниманіе на то, что въ числѣ адресовъ разныхъ лицъ въ Россіи, оказавшихся въ этихъ замѣткахъ, была сдѣлана слѣдующая запись: „Александръ Ивановичъ Ив. Ш.".

Т. III л. 150. При розыскѣ Ивана Шапиро въ г. Харьковѣ было дознано, что въ
Т. IV л. 332. числѣ студентовъ мѣстнаго университета есть Исаакъ Абрамъ Борисовъ Шапиро, который дѣйствительно получилъ по почтѣ письмо съ 100 рублями.

Т. VI л. 63. По собраннымъ, на родинѣ Исаака Шапиро, въ г. Поневѣжѣ, справкамъ оказалось, что Исаакъ Дембо и Исаакъ Шапиро состоятъ въ отдаленномъ родствѣ между собою и что родные Шапиро и въ настоящее время поддерживаютъ знакомство съ семействомъ Дембо.

V.

Т. III л. 160, 360, 380, 422. Обвиняемая Софія Гинсбургъ, отказавшаяся на первыхъ допросахъ давать объясненія по дѣлу, впослѣдствіи показала, что съ 1882 г. до начала 1885 г. она жила въ Петербургѣ, гдѣ слушала лекціи на акушерскихъ курсахъ и выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы. Съ марта 1885 г. по октябрь 1886 г. она жила въ Бернѣ, слушая лекціи на медицинскомъ факультетѣ, а затѣмъ пріѣхала въ Петербургъ съ цѣлью провѣрить слухи о томъ, что здѣсь женскіе курсы закрыты и что, поэтому, невозможно будетъ держать экзаменъ на званіе врача никому изъ женщинъ, окончившихъ курсъ заграницей. Въ Петербургѣ она остановилась у своей знакомой, слушательницы Рождественскихъ фельдшерскихъ курсовъ, Надежды Солнцовой. Черезъ нѣсколько дней она у-

хала изъ Петербурга, сперва въ г. Керчь къ своимъ роднымъ, а потомъ въ с. Акимовку, гдѣ поступила на мѣсто гувернантки къ дѣтямъ купца Исая Черноморника. Въ январѣ мѣсяцѣ 1888 г., она приняла православіе и, не имѣя возможности оставаться у Черноморника, уѣхала заграницу безъ паспорта. Причины, заставившія ее оставить Россію, она отказывается объяснить, такъ какъ онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ ея революціонной дѣятельности. Заграницей она прожила короткое время въ Бернѣ, а потомъ поселилась въ Парижѣ, гдѣ сперва занималась уроками русскаго языка. Вопросы революціонные интересовали ее давно, но въ большинствѣ случаевъ ея знакомства въ революціонной средѣ были для нея неудачны. Выѣхавъ въ послѣдній разъ заграницу, она поставила себѣ задачей познакомиться съ направленіями, существовавшими въ революціонной средѣ, съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ той революціонной группѣ, программа которой будетъ соотвѣтствовать ея взглядамъ. Ознакомившись съ тѣмъ, что представляла собою революціонная среда заграницею, она, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1888 г., вернулась въ Россію по паспорту швейцарской подданной Вильгельмины Браунъ, чтобы здѣсь, присмотрѣвшись къ господствующимъ мнѣніямъ въ разныхъ слояхъ общества, рѣшить, что она сама должна дѣлать въ настоящее время. Хотя она сознавала свое мало значущее положеніе, но въ то же время знала, что она не одна и что не остановится ни передъ чѣмъ, какъ только найдетъ дѣло, на которое будетъ способна. Паспортъ на имя Вильгельмины Браунъ она получила въ Парижѣ отъ одного знакомаго швейцарца, имя котораго она открыть не желаетъ. Какимъ образомъ Бринштейнъ зналъ о томъ, что она получила этотъ паспортъ, ей неизвѣстно и она можетъ высказать по этому поводу лишь слѣдующія свои предположенія: кружокъ народовольцевъ въ Цюрихѣ стремился создать тамъ центръ всѣхъ свѣдѣній революціоннаго характера; Бринштейнъ былъ членомъ этого кружка и, кажется, работалъ въ типографіи нѣмецкой соціалъ-демократической партіи; быть можетъ Бринштейнъ узналъ о полученіи ею паспорта на имя Брауна отъ того швейцарца, такъ какъ послѣдній принадлежалъ къ соціалъ-демократической партіи. По пріѣздѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1888 г. въ Россію, она столкнулась здѣсь съ нѣкоторыми провинціальными революціонными кружками, о личномъ составѣ и дѣятельности которыхъ отказывается давать объясненія. Пріѣхавъ въ томъ же октябрѣ въ Харьковъ, она встрѣтилась съ своимъ двоюроднымъ братомъ Семеномъ Стояновскимъ. Она не знаетъ, какія революціонныя программы были найдены при обыскѣ у Семена Стояновскаго, но нѣкоторыя подобныя программы были даны ею или составлены имъ вмѣстѣ съ нею. Лейбу Фрейфельда она знала какъ товарища Семена Стояновскаго. 26 ноября 1888 г. она уѣхала изъ Харькова въ Петербургъ, остановилась тамъ сначала на Пушкинской улицѣ, гдѣ паспорта не прописывала, а вскорѣ послѣ пріѣзда переѣхала на квартиру въ домъ № 35 по 2 линіи Васильевскаго острова. Черезъ мѣсяцъ она перемѣнила квартиру и поселилась въ домѣ № 40 по 5 линіи Васильевскаго острова. Въ Петербургѣ она старалась встрѣчаться съ совершенно легаль-

ными людьми для выясненія себѣ настроенія общества; назвать такихъ лицъ она отказывается. Что касается прокламаціи, забытой ею въ февралѣ мѣсяцѣ 1889 г. въ магазинѣ, то отвѣтственна въ этомъ лично она, а Михаилъ Стояновскій не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Михаилъ Стояновскій зналъ о томъ, что она живетъ по чужому паспорту, но объяснилъ это семейными причинами; съ его же согласія она получала письма сначала по его адресу, а потомъ онъ далъ ей адресъ Сусловой. Сосѣдки своей по квартирѣ въ домѣ № 40, Евгеніи Григорьевой, она не знала; всѣ отношенія ея съ ней ограничились тѣмъ, что она, уходя въ послѣдній разъ изъ квартиры, попросила ее запереть за нею наружную дверь. Просила ли она Григорьеву предупредить Михаила Стояновскаго, чтобы онъ прекратилъ свои посѣщенія, она не помнитъ. Уѣхавъ изъ Петербурга, она довольно долго скиталась по разнымъ городамъ, пока достигла Севастополя, съ цѣлью выѣхать отсюда заграницу. Надежды ея относительно легкости переѣзда заграницу оказались преувеличенными. Еще раньше она старалась себѣ достать паспортъ, такъ какъ прежній паспортъ на имя Вильгельмины Браунъ не могъ уже служить ей. Въ одномъ домѣ она увидѣла документы на имя дѣвицы Янпольской, изъ которыхъ она тайно взяла дипломъ на званіе учительницы, по которому и жила въ Севастополѣ. Послѣ ареста Алексѣя Орочко она переѣхала изъ Севастополя въ Бахчисарай, думая сдѣлать себѣ здѣсь подложный паспортъ. Найденный у нея при арестѣ проектъ паспорта на имя жены поручика Ленина долженъ былъ служить ей формой для поддѣлки письменнаго вида. Фамилію Ленина она случайно прочла въ военномъ адресъ-календарѣ. Съ Алексѣемъ Орочко она познакомилась случайно и вообще она въ Севастополѣ знакомилась только съ лицами, непричастными къ революціонной дѣятельности. Адресомъ Орочко, съ его согласія, она пользовалась для своей переписки, такъ какъ сама не имѣла постояннаго адреса. Съ Никифоромъ Сидоровымъ она познакомилась въ то время, когда жила въ с. Акимовкѣ, но въ послѣднее пребываніе свое въ Россіи она съ нимъ не видѣлась и денегъ отъ него чрезъ Семена Стояновскаго не получала. Затѣмъ, по предъявленіи ей вещественныхъ доказательствъ, Софія Гинсбургъ признала, что два письма со штемпелемъ Ambulant отъ 5 апрѣля 1889 г., за подписью Вильгельмины Браунъ, писаны ею въ Россіи и посланы черезъ Швейцарію при посредствѣ одного ея знакомаго, назвать котораго она отказывается, для того, чтобы ввести въ заблужденіе лицъ, производившихъ дознаніе, относительно ея мѣстопребыванія. Три письма, посланныя по адресу Сусловой въ Петербургъ, писаны ею съ цѣлью дать знать о себѣ Михаилу Стояновскому; кто такой Ваня, которому слѣдовало передать одно изъ этихъ писемъ, она отказывается объяснить. Шифрованныя записки на двухъ клочкахъ бумаги и листокъ съ воззваніемъ, начинающимся словомъ „устранивъ" тѣ самыя, которыя она забыла въ магазинѣ Татаринова вмѣстѣ съ портмонэ. Относительно происхожденія этого воззванія, времени и мѣста его составленія и цѣли, съ которою оно составлено, Софія Гинсбургъ въ этотъ разъ отказалась давать объясненіе и дала таковое, какъ будетъ изложено ниже, лишь въ послѣдствіи. Далѣе Софія Гинсбургъ показала, что въ Цюрихѣ

она не была, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда проѣзжала черезъ этотъ городъ по пути въ другія мѣста, причемъ никогда въ немъ не останавливалась. О смерти Бринштейна въ Цюрихѣ она имѣла свѣдѣнія только изъ газетныхъ извѣстій. Съ самимъ Бринштейномъ, котораго она признаетъ въ предъявленной ей карточкѣ Исаака Дембо, она встрѣчалась въ Бернѣ, но не помнитъ, когда именно; это было на какомъ то вечерѣ, устроенномъ русскими, на который прибыли изъ Цюриха человѣкъ пятнадцать русскихъ, въ томъ числѣ и Бринштейнъ. О революціонной дѣятельности Бринштейна ей ничего неизвѣстно и она не была причастна къ его дѣятельности. Она слышала лишь о Бринштейнѣ, какъ объ одномъ изъ членовъ кружка народовольцевъ въ Цюрихѣ. О приготовленіи Бринштейномъ и Александромъ Дембскимъ въ Цюрихѣ разрывныхъ снарядовъ она также не знала и обнаруженная у нея въ Петербургѣ прокламація не имѣетъ къ этому никакого отношенія. Фамилію Александра Дембскаго она слышала заграницей, но не помнитъ при какихъ обстоятельствахъ, знакома же съ нимъ не была. Что касается предъявленнаго ей снимка съ замѣтокъ Бринштейна, въ которыхъ записанъ паспортъ Вильгельмины Браунъ и фраза о переправѣ сосудовъ, то она не знаетъ откуда Бринштейнъ получилъ свѣдѣнія объ этомъ паспортѣ, фразы же о переправѣ сосудовъ объяснить не можетъ.

На послѣдующихъ допросахъ Софія Гинсбургъ, заявивъ желаніе дать объясненія о происхожденіи обнаруженной у нея преступной прокламаціи, показала, что, отправляясь въ послѣдній разъ въ Россію съ цѣлью ознакомиться съ направленіемъ революціонныхъ кружковъ и считая проживающаго въ Парижѣ эмигранта Лаврова главою русскихъ соціалистовъ, она обратилась къ нему съ просьбою указать ей тѣ цѣли, которыя ставятъ себѣ въ настоящее время соціалисты-революціонеры, а равно и тѣ революціонныя задачи, выполненіе которыхъ она могла бы принять непосредственно на себя. Лавровъ не далъ ей опредѣленнаго отвѣта и только поощрилъ ее желаніе сблизиться съ какою нибудь революціонною группою, присмотрѣться ко всѣмъ существующимъ группамъ и затѣмъ рѣшить, какіе изъ революціонныхъ плановъ могутъ быть преслѣдуемы въ Россіи при настоящемъ развитіи общественныхъ ея классовъ. Съ этою цѣлью онъ далъ ей, между прочимъ, рекомендацію къ одному своему старому пріятелю, представлявшему, по его словамъ, типъ русскаго либерала, имя котораго она отказывается назвать. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она посѣтила этого либерала, передала ему письмо Лаврова и затѣмъ нѣсколько разъ была у него, разговаривая съ нимъ о настроеніи русскаго общества и о томъ, какъ оно относится къ революціонному движенію. Либералъ, отзывался съ похвалою о смѣлости революціонеровъ, упрекалъ, однако, ихъ въ томъ, что они не умѣютъ отдѣлить ближайшія удобовыполнимыя задачи отъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты въ теченіи вѣковъ, и въ результатѣ совѣтывалъ отложить на время соціалистическія идеи и проводить одни либеральныя. Наслушавшись этихъ рѣчей, она просила либерала изложить ей высказанные имъ взгляды письменно и притомъ, возможно кратко и ясно. Эта просьба смутила его сначала, но подписавшій вниманіемъ къ

Т. III л. 380.

нему Лаврова, а также тѣмъ, что къ нему обратился представитель революціоннаго центра, за котораго онъ ее принималъ, онъ согласился на ея предложеніе и въ одно изъ слѣдующихъ ея посѣщеній сообщилъ ей упомянутую прокламацію. Онъ не далъ ей своей рукописи, а предложилъ ей самой переписать ее, что она и исполнила. Содержаніе этой прокламаціи было такъ непохоже на все то, что ей высказывалъ этотъ либералъ, что она была сильно удивлена и рѣшила написать объ этомъ Лаврову, послать ему прокламацію и попрекнуть его, что онъ не умѣетъ распознавать людей. Разставшись съ либераломъ, она показала потомъ эту прокламацію своему пріятелю, имени котораго она назвать не желаетъ и который, къ удивленію ея, потребовалъ, чтобы она немедленно уѣхала заграницу, угрожая, въ случаѣ ея несогласія, представить эту прокламацію въ полицію. Она согласилась на это, оставя за собою право взять съ собою прокламацію съ единственною цѣлью показать ее Лаврову. Тогда ея пріятель предложилъ переписать для нея прокламацію на маленькомъ клочкѣ бумаги, для удобства храненія ея, послѣ чего она спрятала прокламацію въ портмоне, которое забыла потомъ въ магазинѣ письменныхъ принадлежностей. Въ теченіи слѣдующихъ трехъ дней она заходила въ этотъ магазинъ и просила возвратить ей портмоне, но тамъ увѣряли, что она его не оставляла. Потерявъ надежду возвратить портмоне, она уѣхала изъ Петербурга, уничтоживъ и паспортъ на имя Вильгельмины Браунъ, дальнѣйшее пользованіе которымъ считала для себя опаснымъ. При перепискѣ прокламаціи ея пріятель отказался писать въ ней слово „Государь“, а потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было это слово, оставленъ пробѣлъ. Съ Лавровымъ она переписывалась изъ Харькова и изъ Петербурга; отъ Лаврова получала письма по разнымъ адресамъ, между прочимъ по адресу Семена Стояновскаго, съ передачею на вымышленное имя Носкова.

Т. IV л. 303. Т. V л. 223. Обстоятельства пребыванія своего въ Харьковѣ и Севастополѣ Софія Гинсбургъ объяснила въ общемъ согласно съ изложенными выше свѣдѣніями, установленными дознаніемъ въ этихъ городахъ, признавъ и то, что она получила отъ Семена Стояновскаго присланные для нея 100 руб. При этомъ однако она отрицала знакомство свое съ Алексѣемъ Тепловымъ и посѣщеніе ею Успенскаго скита въ началѣ 1888 г. Что же касается жизни ея за границей, то къ изложенному выше показанію Софія Гинсбургъ добавила, что съ апрѣля до октября мѣсяца 1888 г. она прожила въ Парижѣ, сначала подъ именемъ швейцарки Миллеръ или Кохъ, а потомъ подъ именемъ Софіи Михайловой Петровой, причемъ указала квартиры, въ которыхъ она тамъ жила. Изъ Парижа по ея словамъ, она выѣхала прямо въ Россію черезъ Вѣну и Границу. Отъ Парижа до Харькова, въ попутныхъ мѣстахъ, она нигдѣ не останавливалась.

Т. VI л. 81, 53. Объ отношеніяхъ своихъ съ обвиняемымъ поручикомъ Петромъ Душевскимъ и съ поручикомъ Иваномъ Чажевскимъ Софія Гинсбургъ показала слѣдующее. Съ поручикомъ Душевскимъ она познакомилась въ Петербургѣ въ 1884 г., но не помнитъ при какихъ обстоятельствахъ. Это знакомство не имѣло въ себѣ

ничего противозаконнаго и въ 1883 г. почти прекратилось, такъ какъ въ это время, вслѣдствіе какихъ то несогласій по поводу оцѣнки нѣкоторыхъ изъ прочитанныхъ ими авторовъ, она перестала съ нимъ встрѣчаться и не видѣлась съ нимъ до ноября 1888 г. Отъ общихъ знакомыхъ, которыхъ назвать она отказывается, она, впрочемъ, знала, что Душевскій жилъ нѣкоторое время въ Севастополѣ; эти же знакомые просили ее зайти къ нему, когда она проѣзжала черезъ Севастополь въ 1886 г., но она къ нему не заходила. Въ ноябрѣ 1888 г., черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, она узнала отъ одной своей знакомой, которую назвать также не желаетъ, что Душевскій поступилъ въ юридическую академію, и пожелала возобновить съ нимъ знакомство, чтобы черезъ него освѣдомиться о политическомъ настроеніи военной среды. Она узнала адресъ его по Саперному переулку домъ № 20 и явилась къ нему на квартиру. На вопросъ Душевскаго о цѣли ея пріѣзда въ Петербургъ она отвѣчала въ общихъ выраженіяхъ и не знаетъ, какъ онъ ее понялъ. О прежнихъ общихъ знакомыхъ Душевскій ничего не могъ сообщить ей, объясняя это тѣмъ, что онъ давно съ ними не видѣлся, такъ какъ былъ занятъ подготовкою къ академическому экзамену и болѣзнью своей жены. Въ разговорѣ съ нею Душевскій упрекнулъ ее въ томъ, что она не зашла къ нему, когда пріѣзжала, будто бы, въ концѣ 1887 г. изъ заграницы въ Петербургъ, о чемъ онъ узналъ отъ кого то изъ своихъ знакомыхъ. Когда же она объяснила ему, что въ то время она была въ Акимовкѣ и оттуда уѣхала прямо заграницу, то Душевскій высказалъ предположеніе, что пріѣзжала какая то другая Гинсбургъ. И дѣйствительно, отъ одной своей знакомой, которую она назвать отказывается, она узнала, что въ концѣ 1887 г. пріѣзжала изъ заграницы въ Петербургъ какая то дѣвица Гинсбургъ, по какимъ то революціоннымъ дѣламъ. Въ теченіи первыхъ двухъ недѣль пребыванія въ Петербургѣ въ 1888 г. она бывала часто у Душевскаго, а затѣмъ сократила эти посѣщенія, интересуясь главнымъ образомъ, здоровьемъ жены Душевскаго, которую она даже взяла однажды къ себѣ на квартиру ночевать. Въ одной квартирѣ съ Душевскимъ жилъ тогда поручикъ Чижевскій, съ которымъ она хотя и была знакома прежде, но очень мало, и, кажется, видѣла его у Надежды Сѣницовой въ 1886 г. Возобновивъ знакомство съ Чижевскимъ она воспользовалась его предложеніемъ познакомиться съ его невѣстою, чтобы научиться раскрашивать картинки для волшебнаго фонаря и съ этой цѣлью нѣсколько разъ была у его невѣсты. Какъ Чижевскому, такъ и Душевскому она говорила о томъ, что по рекомендаціи Лаврова, познакомилась въ Петербургѣ съ либераломъ, но имени послѣдняго имъ не называла. Нѣсколько разъ она прямо отъ либерала заходила къ Душевскому и Чижевскому и сообщала нѣкоторые разговоры свои съ либераломъ, высказывая имъ свое удивленіе, что человѣкъ, рекомендованный ей Лавровымъ только какъ либералъ, — разсуждаетъ, однако, какъ народоволецъ. Наконецъ, послѣ того какъ она забыла портмоне съ прокламаціей въ магазинѣ Татаринова, она поспѣшила предупредить Чижевскаго и Душевскаго, что къ ней нельзя приходить и разсказала имъ исторію

съ прокламацiей. Самой прокламацiи она не показывала и не читала. Тогда же она заявила имъ о своемъ намѣренiи уѣхать изъ Петербурга и такъ какъ Михаилъ Стояновскiй оставался одинъ безъ знакомыхъ, то она просила ихъ сблизиться съ нимъ, если время покажетъ, что за нимъ не слѣдитъ полицiя. Она предполагала, что они могутъ содѣйствовать развитiю Михаила Стояновскаго въ либеральномъ направленiи. Этимъ ограничивались всѣ ея отношенiя къ обвиняемому Душевскому. О знакомствѣ Душевскаго съ оберъ-фейерверкеромъ Орочко ей извѣстно изъ разсказовъ самаго Орочко, который передавалъ ей, что въ первый разъ увидѣлъ Душевскаго въ Севастополѣ въ 1886 г., когда онъ поступилъ былъ туда на службу изъ Петербурга. Сначала Душевскiй относился къ Орочко, какъ къ рядовому; потомъ Орочко сталъ замѣчать, что Душевскiй старается выказать ему свое вниманiе, смягчаетъ начальственный тонъ и однажды подалъ ему руку при встрѣчѣ. Вслѣдъ за этимъ Душевскiй началъ съ нимъ разговаривать и, наконецъ, пригласилъ его къ себѣ. Орочко былъ нѣсколько удивленъ „усиленнымъ ухаживанiемъ" Душевскаго, но принялъ его приглашенiе и явился къ нему на квартиру, гдѣ Душевскiй жилъ вмѣстѣ съ своей сестрою, какъ отрекомендовалъ онъ Орочкѣ даму, которую послѣднiй засталъ у него. Въ первое же посѣщенiе Душевскiй предложилъ Орочкѣ брать у него для чтенiя журналы „Отечественныя Записки" и „Дѣло". Орочко охотно согласился и отобралъ для себя нѣсколько книгъ; черезъ нѣсколько времени Душевскiй пригласилъ его приходить въ заранѣе опредѣленные дни, когда у него будутъ собираться знакомые, для чтенiя Маркса или Отечественныхъ Записокъ. На такомъ чтенiи Орочко былъ только одинъ разъ, а затѣмъ нѣсколько разъ чтенiя откладывались, то за отсутствiемъ кого либо изъ знакомыхъ, то по другимъ причинамъ. Впослѣдствiи Орочко пересталъ посѣщать Душевскаго, который ему не нравился.

Прил. 1 л. 79, Т. VI л. 1. По справкѣ на Границкой таможнѣ, оказалось, что паспортъ Вильгельмины Браунъ записанъ при проѣздѣ въ Россiю изъ заграницы 11 октября 1888 г. въ пассажирской книгѣ Границкаго пункта за № 1621. Показанiе Гинсбургъ о пребыванiи ея въ Парижѣ было провѣрено чрезъ парижскую полицейскую префектуру, причемъ установлено, что Софiя Гинсбургъ съ 8 апрѣля по 25 iюня 1888 г. жила тамъ подъ именами уроженки г. Цюриха учительницы Марiи Кронеръ и швейцарской уроженки Марiи Мюллеръ; что же касается указанiя Софiи Гинсбургъ на то, что она жила въ улицѣ Claude Bernard у госпожи Perrin, то указанiе это не подтвердилось. Изъ дѣла видно, что по адресу Perrin, у которой Софiя Гинсбургъ по ея словамъ проживала въ Парижѣ въ 1884 г., присылалась изъ Петербурга переписка привлекавшейся къ дознанiю о государственномъ преступленiи Марiей Емельяновой съ политическими эмигрантами **Тихомiровымъ и Ошаниной.**

Т. IV л. 306. Изъ имѣющейся при дѣлѣ справки видно, что отставной полковникъ артиллерiи Петръ Лавровъ рѣшенiемъ Генералъ-Аудиторiата былъ признанъ виновнымъ въ сношенiяхъ съ государственными преступниками и уволенъ отъ службы, послѣ чего былъ высланъ администра-

тивнымъ порядкомъ въ Вологодскую губернію, откуда въ 1870 г. бѣжалъ заграницу. Проживая, затѣмъ, въ Цюрихѣ, Лондонѣ и Парижѣ, Лавровъ участвовалъ въ изданіи революціонныхъ сочиненій и въ настоящее время живетъ въ Парижѣ.

По сличеніи черезъ экспертовъ почерка обвиняемой Софіи Гинсбургъ съ письмами, присланными для передачи Михаилу Стояновскому по адресу Гедвиги Ивановой и Любови Сусловой, съ бумагами, найденными при обыскѣ въ квартирѣ, гдѣ Софія Гинсбургъ жила подъ именемъ Вильгельмины Браунъ, съ двумя шифрованными записками, оказавшимися въ портмоне, оставленномъ въ магазинѣ Татаринова, съ проектомъ паспорта на имя жены поручика Ленина и съ письмами, взятыми у Софіи Гинсбургъ во время задержанія ея, всѣ эти бумаги оказались написанными почеркомъ сходнымъ съ почеркомъ Софіи Гинсбургъ. Т. IV л. 312.

По поводу данныхъ Софіею Гинсбургъ объясненій, были спрошены обвиняемые Лейба Фрейфельдъ и Алексѣй Орочко, которые при этомъ показали:

Лейба Фрейфельдъ,— что въ предъявленной ему Софіи Гинсбургъ онъ признаетъ Марію Николаевну Павловскую, съ которою онъ познакомился въ Харьковѣ. При этомъ Фрейфельдъ, на одномъ изъ допросовъ, утверждалъ, что знакомство это началось въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 г., а впослѣдствіи показалъ, что оно состоялось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1888 г. По словамъ обвиняемаго Лейбы Фрейфельда, онъ не помнитъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Павловскою, но припоминаетъ, что познакомился съ нею или въ квартирѣ Семена Стояновскаго, или же на улицѣ, но при его посредствѣ. Она посѣтила однажды и его въ то время, когда у него былъ пріѣзжавшій въ Харьковъ братъ его Яковъ Фрейфельдъ, съ которымъ онъ познакомилъ эту личность, назвавъ ее Павловскою. Т. III л. 363. Т. V л. 232.

Алексѣй Орочко,—что онъ знаетъ поручика Душевскаго, такъ какъ служилъ одновременно съ нимъ въ Севастопольской крѣпостной артиллеріи; онъ познакомился съ нимъ въ 1886 г. и бывалъ у него на правахъ обыкновеннаго знакомаго. Никакого разговора съ Софіей Гинсбургъ о Душевскомъ онъ не имѣлъ.

Независимо отъ сего поручикъ Иванъ Чижевскій показалъ, что въ 1885 г. находясь на послѣднемъ курсѣ артиллерійскаго училища, онъ познакомился чрезъ поручика Душевскаго, съ Софіею Гинсбургъ, которая вмѣстѣ съ Надеждой С[illegible]вой занималась во то время революціонною пропагандою среди юнкеровъ военныхъ училищъ. У С[illegible]ой онъ встрѣчалъ юнкеровъ инженернаго училища Мауера, А[illegible]вича и другихъ, которыхъ теперь не помнитъ. Тамъ говорили о пропагандѣ среди военныхъ и вообще о способахъ пропаганды; но этотъ кружокъ разошелся и между членами его не установилось никакихъ обязательствъ. По пріѣздѣ его въ августѣ мѣсяцѣ 1885 г. въ г. Кронштадтъ, онъ узналъ отъ поручиковъ Ястребова и Душевскаго, что Ястребовъ поступилъ въ Артиллерійское училище для удобства вести пропаганду среди военныхъ. Послѣ процесса, къ которому привлекались нѣкоторые офицеры и юнкера, въ томъ числѣ Прил. I л. 54. Т. VI л. 94.

и Бруевичъ, пропаганда пріостановилась и онъ занялся своими личными, а отчасти Душевскаго, дѣлами и въ августѣ 1888 г., вмѣстѣ съ Душевскимъ переѣхалъ изъ Кронштадта въ Петербургъ. Здѣсь они, вмѣстѣ съ поручиками Сокальскимъ и Селунскимъ рѣшили заняться пропагандой военно-революціонныхъ идей, не имѣя въ виду ни государственнаго переворота, ни составленія партіи. Для этого они составили программу, въ которой указывались виды революціонной дѣятельности, а именно народовольческая, соціально-демократическая и другія; излагалась критика ихъ по отношенію къ практическому выполненію, обращалось вниманіе на народное образованіе въ общемъ смыслѣ и, въ заключеніе, намѣчалась лишь въ отдаленномъ будущемъ цѣль образованія партіи. Программа эта была составлена ими передъ Рождествомъ 1888 г. и въ составленіи ея участвовалъ вмѣстѣ съ ними еще поручикъ Оберучевъ. Что касается до Софіи Гинсбургъ, то онъ, Чижевскій, не знаетъ достовѣрно, съ какою цѣлью она пріѣзжала въ Петербургъ, но отъ поручика Душевскаго онъ слышалъ, что Гинсбургъ, будучи еще на югѣ Россіи, высказывала террористическія идеи и что въ Петербургѣ она вела съ Душевскимъ и поручикомъ Селунскимъ переговоры, которые, кажется, окончились тѣмъ, что они разошлись во взглядахъ на направленіе революціонной дѣятельности. Въ пятницу или субботу на масляной 1889 г. (17—18 февраля) Михаилъ Стояновскій извѣстилъ его, что съ Софіей Гинсбургъ нельзя видѣться, потому что за нею слѣдитъ полиція. На другой день послѣ этого поручикъ Оберучевъ принесъ ему отъ Душевскаго записку, въ которой Душевскій приглашалъ его къ себѣ. Отправясь туда, онъ засталъ у Душевскаго Софію Гинсбургъ взволнованною; она сказала ему, что за нею слѣдитъ полиція. Объясняя причины этого, Душевскій сказалъ, что Софія Гинсбургъ оставила въ магазинѣ прокламацію, а Софія Гинсбургъ прибавила тутъ же, что эта прокламація противъ ГОСУДАРЯ, но дальнѣйшаго содержанія прокламаціи не передавала. Объ этомъ Чижевскій передалъ Михаилу Стояновскому, который отвѣчалъ ему, что о прокламаціи ему извѣстно, такъ какъ онъ самъ ее писалъ. Послѣ этого онъ часто еще видѣлся съ Михаиломъ Стояновскимъ, чтобы узнать, не слѣдятъ ли за ними. Стояновскій потомъ говорилъ ему, что Софія Гинсбургъ въ Харьковѣ и просилъ его достать паспортъ, но онъ не могъ этого исполнить, да и не хотѣлъ подвергать себя опасности. Софія Гинсбургъ никогда не говорила ему, что у нея въ Петербургѣ есть знакомый по рекомендаціи эмигранта Петра Лаврова и никого названіемъ либерала не называла.

Т. VI л. 92.
Прил. 1 л. 69.

Поручикъ Петръ Душевскій показалъ, что съ Алексѣемъ Тепловымъ онъ незнакомъ и никогда не встрѣчался. Оберъ-фейерверкера Алексѣя Орочко онъ зналъ въ Севастополѣ, но отношенія съ нимъ были у него только служебныя. Объ организаціи преступныхъ кружковъ среди юнкеровъ въ 1886 г. и о террористической дѣятельности Софіи Гинсбургъ онъ не зналъ, а, слѣдовательно, и поручику Чижевскому говорить объ этомъ не могъ; Софія Гинсбургъ никогда не говорила ему о своемъ знакомомъ, котораго она подразумѣваетъ подъ названіемъ либерала, а также и онъ не гово-

рилъ ей о пріѣздѣ въ 1887 г. въ Петербургъ какой то дѣвицы Гинсбургъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ ни отъ кого не слышалъ. Съ поручикомъ Сокальскимъ, Селунскимъ и Оберучевымъ онъ знакомъ, но революціонной программы не составлялъ. Съ Софіей Гинсбургъ видѣлся въ послѣдній разъ 10 февраля на свадьбѣ Чижевскаго; записки съ приглашеніемъ къ себѣ Чижевскаго не посылалъ чрезъ поручика Оберучева и о томъ, что Софія Гинсбургъ оставила въ магазинѣ прокламацію не слышалъ. Обвиняемаго Михаила Стояновскаго совершенно не знаетъ.

Спрошенная по содержанію послѣднихъ объясненій поручика Чижевскаго обвиняемая Софія Гинсбургъ показала, что въ 1885 г., когда она жила въ Петербургѣ, у нея было нѣсколько знакомыхъ офицеровъ и юнкеровъ военныхъ училищъ, но она не помнитъ ихъ фамилій. О существованіи въ то время кружковъ саморазвитія среди юнкеровъ она знала и къ ней знакомые ея иногда приводили юнкеровъ для чтенія различныхъ легальныхъ сочиненій; она знала также о существованіи революціонной программы для военныхъ, но ничего опредѣленнаго объ этой программѣ сказать не можетъ, такъ какъ все это совершенно изгладилось изъ ея памяти. Во время пребыванія ея въ Петербургѣ зимою 1888—1889 г., бывая у Душевскаго, она видѣла тамъ какого-то офицера, но никакихъ разговоровъ съ нимъ не вела и фамиліи его не знаетъ. На вопросъ, была ли она у Душевскаго послѣ того, когда, потерявъ прокламацію, она скрылась изъ квартиры Гедвиги Ивановой, Софія Гинсбургъ отвѣчать отказалась. Прил. 1 л. 73.

VI.

По доставленіи Департаментомъ Полиціи въ жандармское управленіе письма на нѣмецкомъ языкѣ, за подписью „Нина“, писаннаго обыкновенными и химическими чернилами и адресованнаго въ Парижъ на имя Крапина, служившее псевдонимомъ эмигранту Лаврову, было произведено сличеніе почерка этого письма съ несомнѣннымъ почеркомъ Софіи Гинсбургъ, причемъ эксперты признали сходство между ними. Т. VI л. 303. Прил. I л. 43, 44.

Письмо это отъ 6 февраля 1889 г. слѣдующаго содержанія: „Любезный другъ, меня очень удивляетъ, что Адельсена не получила до сихъ поръ никакого отвѣта на ея послѣднее письмо. Можетъ быть Вы не получали ея письма, такъ какъ адресъ не совсѣмъ вѣренъ? А. Е. писалъ мнѣ, что онъ не долго останется въ квартирѣ, въ которой жилъ тогда, и потому я не могла ему писать, хотя я имѣю сообщить много важнаго ему и Вамъ. Пожалуйста, сообщите мнѣ надежный адресъ, куда бы я могла писать Вамъ безъ опасенія. Самая большая новость, которую я могу вамъ сообщить, это то, что нашъ прежній другъ Т. теперь въ Петербургѣ..... Говорятъ, онъ здѣсь останется, покуда не окончится его дѣло. Теперь спрашивается, зачѣмъ затѣялъ онъ это свободное гулянье по улицамъ Петербурга? Парижане (т. е. парижскіе эмигранты) хотя и много болтаютъ, однако не могли помѣшать его отъѣзду изъ Франціи. Объ этомъ я еще поговорю съ Вами въ слѣдующемъ письмѣ. Я вполнѣ здорова и очень довольна, что пріѣхала въ Россію. Пожалуйста, спросите элегантную Т. VI л. 127.

даму, годится ли еще адресъ, который она мнѣ дала — я хочу ей сообщить кое что интересное, но такъ какъ я не знаю, годенъ ли адресъ, то я откладываю это письмо, пока не получу отъ Васъ отвѣта, да или нѣтъ. Прилагаемое письмо прошу передать А. Е. Получили ли Вы отъ „Большаго“ какой либо отвѣтъ? Если можно, то скажите мнѣ, гдѣ онъ. „Маленькій“ имѣетъ ко мнѣ нѣкоторое касательство, изъ чего онъ можетъ извлечь для себя пользу, если сообщитъ мнѣ это. Пакетъ который я для него оставила, прошу разорвать, я пошлю ему другое завѣщаніе, какъ только получу вѣрный адресъ. Не забывайте этого, дорогой дядюшка.“ Въ приложеніи къ этому письму изложено: „Милый другъ я здорова и желаю Вамъ всего хорошаго. Теперь я веду приличный образъ жизни, часто посѣщаю оперу и часто бываю въ веселомъ обществѣ. Что у Васъ новаго? Не сердитесь на меня и пишите по чаще. Уважающая Васъ Нина.“ Между строкъ этого приложенія оказался написанный химическими чернилами текстъ слѣдующаго содержанія: „Дорогой другъ, покуда я не получу отъ васъ вѣрнаго адреса, я не могу писать Вамъ. Теперь же рискую обратиться къ вамъ съ просьбою: Вы вступили съ моими родственниками въ переписку и ужасно ихъ встревожили своими запросами обо мнѣ. Пожалуйста не дѣлайте этого; поймите во сколько разъ сильнѣе тревога моей матери, когда изъ Парижа обращаются къ ней съ такими запросами . . . . . Меня тѣмъ болѣе удивляетъ Ваше безпокойство, что вѣдь я часто давалъ знать о себѣ. Лишь только я получу адресъ, напишу Вамъ много интереснаго. Ну а ваши работы; я посовѣтывалъ вамъ написать все и отправить мнѣ прежнимъ способомъ, по прежнему . . . . своей поѣздки мнѣ необходимо все сдѣлать аккуратнѣе, ибо тогда было непростительно плохо . . . . матеріалы. Жму Вамъ крѣпко руку.“

Т. I л. 374. Прилож. I л. 48—50. Вмѣстѣ съ этимъ были обнаружены въ книгѣ, полученной Любовью Сусловой изъ заграницы для Михаила Стояновскаго, заклеенныя въ переплетъ этой книги два письма на русскомъ языкѣ. Первое письмо отъ 30 марта безъ подписи начинается обращеніемъ: „Дорэгая С. М.“ Въ немъ авторъ пишетъ: „третьяго дня получилъ Ваше письмо отъ 23 марта и послѣ завтра можетъ быть А. Е. пошлетъ Вамъ это письмо. Передъ этимъ Вамъ было послано обычнымъ путемъ письмо 20 февраля/7 марта . . . . . Затѣмъ посланъ вамъ послѣ катастрофы 22 февраля/6 марта номеръ „Temps отъ 27 февраля/11 марта безъ письма и какихъ либо фактовъ, который, очевидно, до Васъ не дошелъ. Затѣмъ, по полученіи письма чрезъ Красавицу я вамъ написалъ письмо 11/23 марта, которое А. Е. отправилъ . . . . . и гдѣ возможро подробно, насколько я знаю изложена катастрофа 6 марта (смерть Бр. и рана Де., который выздоравливаетъ), Теперь я не буду уже возвращаться къ ея описанію. Прибавлю лишь то, что мнѣ пишетъ въ письмѣ, полученномъ третьяго дня, лицо, которое, по его словамъ, извѣстно вамъ подъ именемъ „Бориса“ или „отца Наци“ и которое есть то самое, о комъ я васъ спрашивалъ въ прошломъ письмѣ. Онъ проситъ меня снестись съ „Ан.“ (полагаю, что Адельг. тожъ) и сообщить, что всѣ „вещи“, относящіяся къ ея дѣлу, спа-

сены и что я (Борисъ) предлагаю ей свои услуги для тѣхъ порученій, которыя она давала покойному. Если она согласна, то пусть дастъ мнѣ возможность переписываться съ ней хотя бы посредственно, укажетъ опредѣленно, что именно нужно теперь сдѣлать и вообще дастъ всѣ практическія указанія по поводу порученій . . . . . выписываю буквально слова, чтобы вы передали, кому слѣдуетъ и о томъ распорядились бы. Долженъ вамъ сообщить, для соображенія вашего и другихъ, что союзники отзывались о „Борисѣ" не очень благопріятно. Увѣряли, что Бр., лишь вынужденный обстоятельствами посвятилъ его въ свои дѣла и особенно невыгодно отзывались о женѣ Бориса. Я имъ, конечно, въ ихъ отзывахъ о людяхъ вѣрю лишь очень умѣренно, но желалъ бы имѣть отъ васъ отзывъ о Борисѣ, такъ какъ онъ дѣлалъ мнѣ разныя предложенія относительно продолженія чрезъ него тѣхъ литературныхъ и подобныхъ тому дѣлъ, которыя я имѣлъ прежде съ Бр. Прямыхъ новостей о ходѣ дѣлъ въ Ц. я никакихъ не имѣю. Полагаютъ, что кончатъ высылкою кой-кого . . . . Одно лицо, привезшее мнѣ письмо Бориса, увѣряло, что все припрятано и никакихъ бумагъ, указывающихъ на сношенія съ Россіею или съ другими мѣстностями Европы, не можетъ быть въ рукахъ полиціи . . . . . ." Въ дальнѣйшемъ изложеніи этого письма сообщаются адресы для переписки и свѣдѣнія объ издающихся и предположенныхъ къ изданію подпольныхъ журналахъ и брошюрахъ, причемъ о новомъ журналѣ „Соціалистъ" упоминается, что въ немъ „энергичнѣе подчеркнута необходимость борьбы съ правительствомъ" и что къ его программѣ примкнули „многіе кружки террористовъ и пропагандистовъ".

Второе письмо, за подписью „Вашъ Александръ", слѣдующаго содержанія: Дорогой другъ мой, не смотря на всѣ ваши ругательства, я очень и очень вамъ благодаренъ за нѣсколько словъ, которыя вы мнѣ написали; но дѣло не въ томъ; послѣ вашего письма, гдѣ вы писали, что я буду нуженъ черезъ 2 мѣс., только на дняхъ мнѣ удалось достать существен., а теперь и полную возможность служить вамъ. Жду только Вашего приказа (когда, куда и какъ), отправиться, если васъ не затруднитъ, то напишите по подробнѣе. Адресъ тотъ же № 17".

По предъявленіи всѣхъ этихъ писемъ обвиняемой Софіи Гинсбургъ, она показала, что письмо, начинающееся словами: „Любезный дядя", съ припискою химическими чернилами, писано ею; не отрицая своей переписки съ эмигрантомъ Лавровымъ, она отказывалась назвать лицъ, которымъ предназначались это письма, а также объяснить употребленные въ этой перепискѣ псевдонимы. Два письма, найденныя въ переплетѣ книги, предназначались ей; первое изъ нихъ писано эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ изъ Парижа, а второе ея знакомымъ Александромъ Евгеніевичемъ Орловымъ. По содержанію этихъ писемъ она не можетъ дать никакихъ объясненій и значительной части письма Лаврова не понимаетъ; такъ, она не знаетъ, кого подразумѣваетъ Лавровъ подъ названіями „Бориса или отца Нади, Ан., пріѣзжаго изъ Питера"; что же касается названій „Красавицы, племянницы красавицы, Адельгейды, банкира-отца," упоминаемыхъ въ этомъ

Т. VI л. 166.
Прил. 1 л. 47, 57, 72.

письмѣ, то хотя она ихъ знаетъ, но дѣйствительныя ихъ фамиліи назвать отказывается. Фамилію Дембскаго она знаетъ только по газетнымъ сообщеніямъ. Номеръ газеты „Temps“ она дѣйствительно получила по почтѣ въ Петербургѣ. Съ Александромъ Орловымъ она познакомилась у Лаврова въ послѣднее ея пребываніе въ Парижѣ въ 1888 г. Орловъ — рабочій и служитъ на какомъ то электрическомъ заводѣ. Въ Парижѣ ей трудно было обойтись безъ посторонней помощи и Орловъ предложилъ ей свои услуги для устройства личныхъ дѣлъ. По отъѣздѣ ея въ Россію онъ настолько безпокоился о ней, что справлялся о ней у кого-то изъ ея родныхъ. Въ Россіи она получила отъ Орлова письмо, въ которомъ онъ просилъ ея согласія пріѣхать въ Россію, чтобы быть вблизи нея. На это она не согласилась въ то время и просила его обождать, пока она покончитъ съ вопросами революціоннаго характера, интересовавшими ее.

Прил. I л. 81.
Прил. II л. 42.
Изъ дѣла видно, что подъ именемъ „Большаго“, упоминаемаго въ письмѣ Софіи Гинсбургъ къ эмигранту Лаврову, за подписью „Нина“, былъ извѣстенъ въ Цюрихѣ Александръ Дембскій; что авторъ записки „Дорогой другъ мой“ и личность, упоминаемая въ письмѣ Лаврова подъ иниціалами А. Е., эмигрантъ Александръ Евгеніевъ Орловъ; авторъ письма „Дорогая С. М.“ эмигрантъ Петръ Лавровъ; упоминаемыя въ этомъ письмѣ: „Красавица„ дворянка Марія Янковская, проживающая заграницей съ эмигрантомъ Мендельсономъ; „Ан.“ и „Ад.“ или „Адельг.“ сама Софія Гинсбургъ; Борисъ—проживавшій въ Швейцаріи мѣщанинъ Борисъ Рейнштейнъ, женатый на Аннѣ Могилевой; „Бр.“ и „Де“—Бринштейнъ и Дембскій.

Прил. I л. 82.
Александръ Евгеніевъ Орловъ, мѣщанинъ симбирской губерніи, бывшій слушатель Петровской Академіи, изъ которой уволенъ въ 1871 г., привлекался къ дознанію о преступной пропагандѣ въ Имперіи и былъ висланъ въ Архангельскую губернію, откуда въ 1879 г. скрылся. Вскорѣ онъ былъ задержанъ, но на пути въ ссылку бѣжалъ и въ настоящее время живетъ въ Парижѣ. Марія Янковская была привлечена въ 1881 году къ дознанію о государственномъ преступленіи въ г. Варшавѣ, но тогда же скрылась заграницу, гдѣ Бромбергскимъ судомъ была присуждена за распространеніе соціалистическихъ ученій къ аресту и по исполненіи надъ нею приговора выслана изъ предѣловъ Пруссіи. Послѣ того она переселилась въ Парижъ, жила въ Бернѣ, а нынѣ находится въ Парижѣ. Соломонъ Мендельсонъ привлекался въ 1878 г. къ дознанію по дѣлу объ обнаруженномъ въ г Варшавѣ преступномъ сообществѣ „Пролетаріатъ“ и бѣжалъ заграницу. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ задержанъ въ Бромбергѣ съ соціалистическими изданіями и приговоромъ Королевскаго суда присужденъ къ трехмѣсячному одиночному и двадцатимѣсячному тюремному заключенію; въ настоящее время онъ находится въ Парижѣ.

VII.

Т. II л. 14.
При производствѣ дознанія были собраны нижеслѣдующія свѣдѣнія о прежней жизни обвиняемыхъ:

Софія Гинсбургъ первоначальное образованіе получила въ Керчь-Еникольской общественной женской гимназіи, которую окончила въ 1881 г.

съ серебряною медалью. Съ 1 сентября 1882 г. по 25 мая 1884 г. она состояла вольноприходящей слушательницею въ повивальномъ институтѣ С.-Петербургскаго Родовспомогательнаго заведенія, по окончаніи котораго получила дипломъ на званіе повивальной бабки. Изъ надписи на гимназическомъ аттестатѣ Софіи Гинсбургъ, сдѣланной священникомъ церкви с. Акимовки 20 января 1888 г. за № 6, видно, что Гинсбургъ изъ іудейства приняла Святое Крещеніе означеннаго числа, съ нареченіемъ прежняго имени Софія. Т. II л. 350. Т. V л. 253.

Михаилъ Стояновскій первоначальное образованіе получилъ въ Павлоградской шестикласной прогимназіи, послѣ чего перешелъ въ 7-й классъ Феодосійской гимназіи, по окончаніи которой съ золотою медалью, въ 1888 г. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на физико-математическій факультетъ. По отзыву директора Феодосійской гимназіи, Михаилъ Стояновскій отличался хорошимъ поведеніемъ и успѣхами; въ 8 классѣ онъ изъ іудейства перешелъ въ христіанство. Подобные же отзывы о Михаилѣ Стояновскомъ были даны и начальствомъ Павлоградской гимназіи. Т. I л. 308—309. Т. II л. 294. Т. III л. 55, 56.

Лейба Фрейфельдъ воспитывался въ Павлоградской и Маріупольской гимназіяхъ, а затѣмъ въ 1885 г. поступилъ въ Харьковскій университетъ.

Изъ послужныхъ списковъ обвиняемыхъ лицъ военнаго вѣдомства видно, что

поручикъ **Петръ Душевскій** воспитывался въ Воронежской военной гимназіи и Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ; въ августѣ 1888 г. онъ поступилъ въ Военно-Юридическую Академію, а Т. II л. 410.

оберъ-фейерверкеръ 1 разряда **Алексѣй Орочко** воспитывался въ пиротехнической артиллерійской школѣ, которую окончилъ въ 1886 г. Т. II л. 416.

Изъ дѣла видно, что Семенъ Стояновскій и поручикъ Чижевскій обнаружили признаки умственнаго разстройства.

На основаніи всего вышеизложеннаго мѣщанка г. Керчи Софія Михайлова **Гинсбургъ**, 25 лѣтъ, мѣщанинъ г. Александровска Михаилъ Васильевъ **Стояновскій**, 20 лѣтъ, купеческій сынъ Лейба Вульфовъ **Фрейфельдъ**, 25 лѣтъ, поручикъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Петръ Григорьевъ **Душевскій**, 24 лѣтъ, и оберъ-фейерверкеръ Севастопольской крѣпостной артиллеріи Алексѣй Венедиктовъ **Орочко**, 24 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное революціонное сообщество, имѣющее цѣлью ниспровергнуть, путемъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, избравшее цареубійство главнымъ способомъ для достиженія означенной цѣли и проявившее свою преступную дѣятельность въ злодѣяніи 1 марта 1881 года, въ покушеніи на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, обнаруженномъ 1 марта 1887 г. и въ приготовленіи къ такому же злодѣянію въ 1888 и 1889 годахъ, выразившемся въ приготовленіи метательныхъ снарядовъ и въ составленіи воззванія, предназначеннаго къ распространенію послѣ совершенія задуманнаго цареубійства, причемъ вышепоименованныя лица выразили свою дѣятельность, направлен-

ную къ достиженію цѣлей сообщества, въ слѣдующемъ: **Софія Гинсбургъ,**—въ томъ, что прибыла въ Россію въ качествѣ эмиссара проживавшихъ заграницею народовольцевъ для подготовленія задуманнаго злоумышленія, и, съ этою цѣлью, вошла въ сношенія съ членами сообщества и составила упомянутое выше воззваніе; **Михаилъ Стояновскій,**—въ томъ, что, содѣйствуя Софіи Гинсбургъ въ исполненіи принятыхъ ею на себя обязанностей, переписалъ для нея составленное ею воззваніе; **Петръ Душевскій, Лейба Фрейфельдъ** и **Алексѣй Орочко,**—въ томъ, что, зная о преступной дѣятельности Софіи Гинсбургъ и о цѣли ея пріѣзда въ Россію, укрывали ее и помогали ей вести переписку съ единомышленниками.

Означенныя преступленія предусмотрѣны 241, 243 и 249 ст. улож. о нак.

Кромѣ сего Петръ Душевскій обвиняется въ томъ, что составилъ подложное свидѣтельство отъ имени командира Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, отъ 30 мая 1888 года за № 235, о неимѣніи препятствій на вступленіе обвиняемаго въ бракъ и представилъ это свидѣтельство причту С.-Петербургской Троицкой церкви.

Преступленіе это предусмотрѣно 294 и 1571 ст. улож. о нак.

Вслѣдствіе сего, согласно послѣдовавшаго по сему дѣлу Высочайшаго повелѣнія и на основаніи ст. 1032, 1033 и 1044^{2} уст. угол. суд., поименованные выше Софія Гинсбургъ, Михаилъ Стояновскій, Петръ Душевскій, Лейба Фрейфельдъ и Алексѣй Орочко предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Составленъ сентября 29 дня 1890 года въ г. С.-Петербургѣ.

Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ *В. Желеховскій.*